

Б. И. Макаренко

Партийная система России в 2008 году

1. Партийная система в России: институциональные и политические факторы

Сравнительный контекст: партийная система в демократизирующемся обществе

Система политических партий в любой стране — институционализируемая форма политического плюрализма, борьбы интересов и программ. Поэтому процессы становления партийной системы в демократизирующихся государствах определяются институциональным устройством государства и развитием политического плюрализма. Очевидно, что такой выбор каждая страна делает, исходя из целого набора факторов: от исторической традиции и «демонстрационного эффекта» стран, на которые она ориентируется в своем развитии, до конкретно-исторических условий и конфигурации политической элиты.

Выбор государств Центральной и Юго-Восточной Европы в пользу премьер-президентской* или парламентской республики, безусловно, опирался на историческую традицию и пример Западной Европы, но одновременно отражал осознанное стремление элит ограничить власть и амбиции единоличных лидеров. Не допустить такого развития событий центрально-европейским политическим элитам позволил ряд субъективных и объективных факторов, прежде всего довольно высокая политическая конкуренция и пропорциональная избирательная система, лишаящая президента гарантированного большинства в парламенте и тем самым препятствующая превращению его в фактического главу исполнительной власти.

Решающую роль здесь сыграл «европейский выбор» — консенсусный для большей части элит и общества стратегический курс развития. Во-первых, консенсус по поводу общего стратегического курса обуславливал неантагонистический характер противоречий между ключевыми политическими силами: они боролись за власть и спорили по конкретным программным вопросам, не ставя под сомнение основы политики. Во-вторых, ориентация на Европу повышала роль демонстрационного эффекта: политические элиты сознательно стремились вести себя «по-европейски», соблюдать стандарты европейской политики в различных сферах общественной жизни.

При наличии сильных парламентов неслучайными выглядят и успехи в формировании партийных систем**. Исследователи отмечают, что «в Центральной и Юго-Восточной Европе создание партий предшествовало социальному структурированию общества. В начале трансформации они, скорее, представляли определенные ценности (демократия, рынок и т.д.), чем интересы возникающих в ее процессе новых социальных слоев»***. В «благополучном сценарии» (страны «Вышеградской четверки», Литва, Словения) за два-три цикла выборов происходило деление на левых и правых. При этом правый фланг фрагментировался, а на левом — наследники бывших коммунистов зачастую переходили на позиции национального консенсуса, что позволяло им занять весь левый фланг, причем, скорее, в качестве не идейной социал-демократии, а catch-all party (сказывалась генетика партии власти), и победить на вторых или третьих выборах. В Юго-Восточной Европе «благополучный» сценарий не реализовался, но тем не менее с некоторым временным лагом партийные системы в странах Юго-Восточной Европы все же сложились.

* Здесь и далее типология политических режимов следует логике известной работы М. Шугарта и Дж. Керри (см. Shugart M.S., Carey J.M. 1992. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. — Cambridge).

** Anna Grzymała-Busse *Political Competition and the Politicization of the State in East Central Europe* *Comparative Political Studies*, Vol. 36, № 10, 1123–1147 (2003).

*** *Демократическое правовое государство и гражданское общество*. — 2005. — М. С.93.

В отличие от политий Центральной и Юго-Восточной Европы все страны СНГ избрали президентско-парламентскую или чисто президентскую форму государственного устройства. Вместе с тем природа режимов в 12 бывших республиках СССР с самого начала имела существенные различия, которые по ходу посткоммунистического развития возрастали. Практически чисто авторитарными или тяготеющими к авторитаризму стали государства Центральной Азии, Белоруссия и Азербайджан. Молдова и Украина движутся в сторону ослабления президентской власти, перейдя в начале нынешнего века от президентско-парламентской республики к парламентской в первом случае и к премьер-президентской. В трех государствах СНГ — России, Армении и Грузии — сложились президентско-парламентские режимы.

Партийные системы в президентских и полупрезидентских государствах СНГ развивались медленно. Наиболее «реальной» на всем пространстве СНГ оставалась партийная система Молдовы, где с самого начала действовала чисто пропорциональная электоральная формула. На Украине существовавшая в 90-е годы партийная система эволюционным путем преобразовывалась: возникали партии, ориентировавшиеся на наиболее сильные элитные кланы и не без трудностей осваивавшие навыки коалиционного строительства исполнительной власти. В авторитарных режимах с мажоритарной избирательной системой их или не было совсем, или они носили откровенно «фасадный» характер.

В России, Казахстане и закавказских государствах сложились специфические партийные системы, которые при всех различиях имели общую черту — наличие партии власти (этот термин будет определен и проанализирован ниже). Ее влияние и конфигурация оппозиционных сил определялись как изменениями общественных настроений, так и политикой президентской власти.

Таким образом, в анализе партий и партийных систем в России (и подобных ей демократизирующихся государствах) имеет смысл не «классифицировать» партии по исторически сложившимся в устойчивых демократиях типам, а анализировать, в какой степени и каким образом партии участвуют в политическом процессе.

В России не может быть «идеологических» правых и левых партий, которые вырастали в процессе долгой эволюции европейских (порой латиноамериканских) обществ. Неприменимы к России и такие понятия, как «всеохватная» (catch-all) партия: в таковые постепенно перерождались классовые партии (преимущественно левые) в устойчивых демократиях; относительно новым феноменом стало формирование «всеохватных» партий на базе бывших коммунистических партий центрально- и восточноевропейских стран, там, где эти партии смогли встроиться в новый национальный консенсус.

Главная черта «всеохватных» партий — не утрата идеологии, а способность придать новое качество своей прежде жесткой идеологической базе. «Всеохватность» не отменяет базового водораздела на левых и правых, но означает появление широких «центров» — левого и правого. Причем начиная с 70-х годов маркеры этого позиционирования меняются. Традиционные вопросы собственности, налогов, трудовых отношений, социальных расходов дополняются новыми темами: отношение к мигрантам (в большинстве западноевропейских стран), религия, вопросы общественной морали (эвтаназия, аборт, нетрадиционная сексуальная ориентация), экология*.

В России же относительно крупные партии (за исключением коммунистов и, в прошлом, ДВР–СПС) никогда не имели отчетливого идеологического ядра, как показано ниже —

* См.: Lipset, Seymour Martin, "The Social Requisites of Democracy Revisited", *American Sociological Review*, 1994, Vol.59 (February: 1-22).

их электораты многосоставны, так что идейно-политическое лицо каждой партии, кроме КПРФ, — это «уникальная смесь» мотиваций.

Неприменимо к современным российским партиям и понятие «картельная партия» — этот термин выдвинул П. Мейром и Р. Кацем в полемическом плане, чтобы подчеркнуть процесс утраты связи современных европейских партий с избирателем и их сращивание с государством. «Сращенность» предполагает симбиотические отношения, равное партнерство; в России же государство, точнее бюрократический аппарат, явно доминирует над всеми партиями, не исключая и партию большинства.

Вполне справедливо отмечалось, что «партийные институты в России исторически опоздали, исторические партии уже не нужны, их партийные программы — не поле интеллектуальной борьбы. В их натужном социальном консерватизме, социальном либерализме и т.п. нет даже квалифицированной риторики, не говоря уж о кризисном переживании ценностей, ежедневно конфликтующих с миром»*.

Однако «неконвенциональность» российской партийной системы не означает, что партии в России не являются (по крайней мере в потенции) важнейшим институтом политического участия, шире — становления современного демократического государства. В настоящей работе предпринимается попытка анализа партий и партийной системы именно под таким углом зрения, в т.ч. через сопоставление «спроса и предложения» — общественно-го запроса на многопартийность и существующих в России политических партий.

История вопроса: становление российской партийной системы

В России главной особенностью начального этапа посткоммунистического развития была предельная поляризация политики, угроза коммунистической реставрации, а следовательно — отсутствие консенсуса по поводу стратегии национального развития. Именно по этой причине для России 1990-х годов выбор модели с сильным парламентом был заведомо невозможен. Высокая поляризация общества и элит по оси «реформы — реставрация» требовала доминирования президентской власти, проводящей «реформы сверху»: Россия — единственная из трех десятков посткоммунистических стран, в которой на протяжении периода самых болезненных реформ (до 2000 г.) президент не имел большинства в парламенте. Отметим, что этот ключевой для развития России факт не всегда в полной мере учитывается зарубежными политологами. Констатируя, что «высокая степень идеологической поляризации может угрожать судьбе молодых демократий»**, американский политолог С. Фиш отрицает наличие таковой в посткоммунистических странах. Для него «полярирующие» силы — это социалисты в Чили времен Альенде или нацисты в Веймарской Германии, то есть «антагонистические» парламентские партии. Между тем в России данную роль выполняла не только КПРФ, но и антиреформаторское большинство в Верховном Совете 1992–1993 гг., так называемые красно-коричневые, да и общие настроения в обществе после реформ начала 90-х годов***.

В этих условиях в России сложилось явление, которое получило название «двух большинства»****. На тех голосованиях, где определялся вектор развития страны (референдумы начала 90-х, президентские выборы), большинство в 50–60% голосовало «за реформы», точнее, против реставрации прежнего порядка. Политическим партиям на таких выборах

* М. Колеров. Обновление институтов: *Dark Age Ahead?* // «Русский журнал». — № 12. — 1.1. 2008 г. — С.12.

** Fish M.S. 2001. *The Dynamics of Democratic Erosion // Postcommunism and the Theory of Democracy*. — Princeton University Press, Princeton, NJ.

*** В личной беседе с автором в феврале 2009 г. С. Фиш был склонен согласиться с такой трактовкой.

**** McFaul M: 1997. *Russia's 1996 Presidential Elections: The End of Polarized Politics*, Stanford.

Соотношение «голосования за власть» на парламентских и президентских выборах		Таблица 1.
Год	Голосование за провластные партии	Голосование за Президента
Дек. 1993	21% («Выбор России» + ПРЕС)	57% («за» Конституцию)
Дек. 1995 — июнь 1996	11% (НДР + ПРЕС)	35%/54% (I и II тур, Ельцин)
Дек. 1999 — март 2000	38% («Единство» + ОВР + НДР)	52% (Путин)
Дек. 2003 — март 2004	38% («Единая Россия»)	72% (Путин)
Дек. 2007 — март 2008	64,3% («Единая Россия»)	70% (Медведев)

отводилась вспомогательная роль: они выступали в качестве групп поддержки, но сами по себе не являлись субъектами голосований. Соответственно плоды победы на этих выборах доставались непосредственно главе исполнительной власти.

Парламент по Конституции 1993 г. был намеренно создан слабым. Объем полномочий российского парламента, рассчитанный по индексу упоминавшегося выше С. Фиша* (Parliamentary Power Index), составляет 0,44 — из всех посткоммунистических стран слабее российского по этому параметру оказываются лишь парламента стран Центральной Азии, Белоруссии и Азербайджана.

При институционально слабом парламенте партиям остается соревноваться за места в федеральной законодательной власти. Соответственно, мотивация избирателей при голосовании за партии сводится, скорее, к выражению отношения к курсу исполнительной власти — преимущественно протестному, когда власть непопулярна (90-е годы XX века), или преимущественно лояльному, когда популярность власти находится на относительно высоком уровне (в нынешнем десятилетии). Голосуя за партии, общество ищет частичный «противовес» исполнительной власти или, напротив, дает последней опору в парламенте.

Как видно из таблицы 1, вплоть до 1999 г. относительное большинство (более 40%) голосовало на парламентских выборах за оппозицию. Характерный пример — расхождение в результатах одновременно состоявшихся голосований за предложенную президентской властью Конституцию 1993 г. (57% «за») и выборов Думы, в которой проправительственные и центристские партии набрали всего порядка 40% голосов.

Иными словами, глава государства в России выстраивает свои коммуникации с обществом «плебисцитарно», формулируя лишь общий вектор своей программы. В этой логике ни Б. Ельцин, ни В. Путин в период нахождения на президентском посту не видели необходимости связывать себя слишком жестко с конкретной политической партией, тем более — ставить себя в зависимость от нее в кадровых назначениях или выработке политических приоритетов.

В этот период скромную роль в политической системе играли партии, стоящие на прокремлевских позициях. В период болезненных социально-экономических реформ власти удавалось заручиться поддержкой большинства избирателей лишь на президентских выборах (см. выше). На парламентских же выборах «за власть» голосовали лишь конформистские избиратели (например, в некоторых этнических республиках России) и немногочисленные «выигравшие от реформ». На выборах 1995 г. прокремлевский «Наш дом — Россия» набрал лишь около 10% голосов. Эта партия выполняла функцию представительства интересов Кремля в законодательной власти, вступая в союз с многочисленными независимыми

* 9 Fish M.S. 2006. Stronger Legislatures, Stronger Democracies // Journal of Democracy. Vol. 17. — № 1.

(преимущественно центристскими) депутатами, избравшимися в парламент по одномандатным округам и в отдельных случаях — с «Яблоком» или аграриями. Лишь месседж «обновления власти», озвученный В. Путиным накануне выборов 1999 г., вызвал перелом общественных настроений, положив начало формированию описанной ниже партии власти. Но даже при этом в Четвертой Думе Кремлю удалось создать лояльное большинство (чуть больше 50% мандатов) лишь путем объединения двух блоков — «Единство» и «Отечество — Вся Россия» с двумя центристскими объединениями одномандатников («Российские регионы» и «Народный депутат»).

Если функция агрегирования и представления общественно-политических интересов выполнялась партиями относительно адекватно (в том числе — в области законотворчества), то остальные функции, присущие политическим партиям в демократической системе, реализовывались в их деятельности лишь в минимальной степени.

Партии лишь минимально участвовали в борьбе за политическую власть. Только на региональном уровне появились партийные губернаторы, а в исполнительную власть входили представители партий, чаще всего — Коммунистической и Аграрной в регионах, где на выборах победили левые губернаторы.

В ограниченном объеме действовала и такая функция политических партий, как формирование политической элиты. Разумеется, за 90-е годы в России сложился профессиональный корпус законодателей, многие из которых принадлежали к партиям (хотя и число независимых было достаточно велико). Однако парламентская карьера лишь в редких случаях (преимущественно в период Второй Думы 1996–1999 гг.) позволяла депутату занять пост в исполнительной власти, причем в большинстве случаев — ценой отказа от партийной принадлежности.

Совсем слабой на протяжении всего периода оставалась такая функция партийного парламента, как контроль над исполнительной властью. Она сводилась лишь к формированию части Счетной палаты, а закон о парламентском расследовании был принят в России лишь в 2006 г. и ни разу не применялся на практике (единственная «следственная комиссия» — по расследованию обстоятельств террористического акта в Беслане — действовала еще до принятия этого закона).

Реформа избирательного законодательства 2005 г. ввела чисто пропорциональную систему на федеральных выборах и смешанную — на региональных. С одной стороны, это способствовало укрупнению партий, «партизации» региональных законодательных собраний, с другой — с учетом низкого доверия партиям как институтам — «законсервировала» непопулярность партий и законодательной власти, сузило сферу публичной политики. Характерным следствием этой реформы стало широкое распространение практики «паровозов»¹⁰. Во главе региональных списков «Единой России» ставятся либо губернаторы (не только прибавляющие партии статусный вес, но и сигнализирующие региональной бюрократии, на чьей стороне находится «административный ресурс»), либо популярные неполитические фигуры (например, известные спортсмены или деятели культуры, чем «грешили» и некоторые оппозиционные партии). При этом губернаторы — за единственным исключением в 2007 г. — не идут работать в Думу, и несколько десятков мандатов перераспределяются в пользу следующих номеров партийных списков. Таким образом, личности будущих реальных депутатов как бы «прячутся» за этими фигурами, депутаты утрачивают стимулы к публичной работе с избирателями. Самым ярким примером подобной практики

* Попытка Центральной избирательной комиссии и депутатов от оппозиции запретить эту практику была отвергнута большинством Думы, т.е. партией «Единая Россия».

стало выступление Президента В. Путина в качестве лидера списка «Единой России» на выборах 2007 г., вся кампания которой стала строиться на лозунге «референдума о доверии» действующему Президенту.

Кроме того, был повышен (с 5 до 7 процентов) отсекающий барьер при сохранении принципа общенационального списка (таковые существуют в нескольких странах, как правило, небольших по территории, например, в Нидерландах и Израиле). В России же подобная норма означала, что партия, получившая более 4 миллионов голосов на выборах, не обретала ни одного парламентского мандата. Усложнились и требования к регистрации не представленных в федеральном парламенте партий на выборах: существенно повысился размер избирательного залога (на федеральных выборах 2007 г. он составлял порядка 2 млн долларов США), а альтернативный способ регистрации — через подписи избирателей — ужесточился путем сокращения допустимого процента брака в подписях (5% на федеральных выборах).

Ни одна из законодательных новаций сама по себе не носила заведомо недемократического характера, однако в своей совокупности они существенно затруднили условия для политической конкуренции. Эта жесткость позитивного права существенно усугубляется правоприменительной практикой: часты случаи недопущения или снятия партий с выборов по формальным основаниям (например, «брак» в подписях, придирки к процедуре выдвижения кандидатов). Таким «дисквалификациям» в регионах подвергались не только оппозиционные партии («Яблоко», «Родина»), но и вполне лояльные — например Аграрная; дважды с региональных выборов (Камчатка, Ярославская область) снималась даже «прокремлевская» «Справедливая Россия». Существенно затруднен допуск оппозиционных партий к СМИ; многочисленны случаи препятствования ведению избирательных кампаний (например, аресты тиражей агитационных материалов); в целом ряде случаев серьезные сомнения вызывает честность подсчета голосов (в некоторых этнических республиках результаты совпадают до десятых долей процента в подавляющем большинстве территориальных избирательных комиссий).

Данная практика не преодолена и по сей день: попытки снятия партий с выборов имели место даже в преддверии весеннего Дня голосования 2009 г. (правда, они были решительно пресечены Центральной избирательной комиссией). Продолжением той же практики следует считать и отказы в регистрации кандидатам от оппозиционных партий на муниципальных выборах. Так, в Москве весной 2008 г. на муниципальных выборах отказ получили 350 из 563 кандидатов от КПРФ и 450 из 990 кандидатов от «Справедливой России». Это важно, поскольку в недалеком будущем смешанная избирательная система вводится и на выборах в крупных муниципальных образованиях, и равенство доступа партий (в т.ч. оппозиционных) к предвыборной конкуренции станет важнейшим условием успеха этой новации.

Таким образом, к концу прошлого избирательного цикла партийная система приобрела максимально «зарегимленный» характер. Во имя укрупнения партий и обеспечения максимально благоприятных условий для партии власти государственная политика в области партийного строительства жестко ограничила межпартийную конкуренцию, шире — политический плюрализм.

Не случайно в Послании Федеральному собранию, предваряя оглашение планов в области политических реформ, Президент РФ Д. А. Медведев заметил, что «государственный аппарат у нас... сам себе партия и сам себе в конечном счете народ»*. В совокупности с ог-

*http://www.kremlin.ru/appears/2008/11/05/1349_type63372type63374type63381type82634_208749.shtml

раниченной ролью законодательной власти в политической жизни страны и — как показано ниже — слабым и плохо структурированным общественным запросом на институционализированный через партии плюрализм этот фактор обусловил низкую и второстепенную роль политических партий в России. Такое положение накладывает серьезные ограничения на политическое развитие страны, особенно в условиях усугубляющегося социально-экономического кризиса.

Можно утверждать, что развитие политической системы, в т.ч. утверждение политического плюрализма, становится одним из императивов антикризисной стратегии, шире — стратегии модернизационного развития России.

2. «Запрос»: партии и общество

Общие параметры общественного запроса на многопартийность

На протяжении всего посткоммунистического периода роль партий оценивалась обществом достаточно низко. На словах около половины общества признают необходимость для России «многопартийности, сильной партийной системы», а противоположной точки зрения придерживаются 30%*. Однако де-факто почти половина общества отрицает необходимость многопартийности, и шире — демократии: 20% опрошенных утверждает, что «России нужны не партии, а лидеры», а еще 25% являются сторонниками системы с «одной партией, постоянно находящейся у власти», что на самом деле также является отрицанием многопартийности (ее сторонниками в сумме выступают 46% россиян)** . Регулярно повторяемые с 1999 г. опросы Левада-Центра дают в последние годы соотношение сторонников и противников многопартийности порядка 50% : 40%***. В то же время необходимость существования политической оппозиции признается, по данным того же исследования, примерно 60% россиян.

В 2008 г., по данным ВЦИОМ, 27% россиян признали, что «партии играют важную роль в жизни страны» (23% придерживались противоположного мнения), но число утверждающих, что «без [многопартийности] невозможно построить современное общество снизилось до 38% с 48% в 2006 г. За это же время на 15 пунктов (с 42% до 57%) выросло число тех, кто утверждал, что «в России есть только одна сильная партия — «Единая Россия», а остальные партии заметной роли не играют», и лишь 15% сочли, что в «в России сложилась реальная многопартийность»****.

Среди институтов и атрибутов демократии в опросах минувшего десятилетия партии неизменно занимали одно из последних мест (14-е из 16 мест в опросе Левада-Центра о влиятельности институтов в России)***** В опросе 2008 г., проведенном компанией «Башкирова и партнеры», лишь 11% респондентов назвали многопартийность среди содержательных характеристик, которыми, по их мнению, характеризуется демократический режим*****.

Рейтинг одобрения политических партий как института с 2006 г. по конец 2007 г. вырос примерно на 8 пунктов (с 19% в начале 2006-го до 26–29 на протяжении 2008 г.), однако все

* *Путеводитель по выборам. — 2007. — С. 271.*

** *Там же. — С. 272.*

*** *Левада-Центр. Политическая оппозиция в России. —31. 07. 2008. — <http://www.levada.ru/press/2008073102.print.html>*

**** *Сколько партий нужно России? — ВЦИОМ// Пресс-выпуск. — № 1056. — 26.09.2008. — http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10746.html?no_cache=1&cHash=e4d43fbcf3*

***** *<http://www.levada.ru/press/2007072601.html>*

***** *Демократия: развитие российской модели. — М.: Институт современного развития, 2008 (forthcoming).*

равно не одобряющих партии в обществе на протяжении последних месяцев 2008 г. было больше — 39%*.

При этом общая удовлетворенность такой ситуацией в обществе достаточно высока, о чем можно судить не только по объективным данным — 63% явки на выборы при 64% голосования за провластную партию, но и по анализу социологических опросов: 65% россиян выразили удовлетворенность итогами парламентских выборов 2007 г. (только 11% были ими недовольны, что существенно меньше доли голосов, поданных за оппозиционные партии); 53% сочли подсчет голосов честным (нечестным — те же 11%). Правда, в оценках того факта, что любое решение Думы будет зависеть от позиции только одной фракции, мнения разделились: 37% сочли, что это хорошо, 29% — плохо, 34% затруднились с мнением**.

В качественном социологическом исследовании, проведенном специально в рамках работы над настоящим докладом, проявились те же мотивации поддержки или отторжения многопартийности.

Большинство участников исследования считают политические партии необходимой частью нормальной (современной, развитой***) политической системы. Самой распространенной была мотивация, связанная с необходимостью политического плюрализма, гарантий от авторитаризма, представленности в политическом пространстве мнений и интересов различных групп населения:

— Партии нужны, чтобы не было тоталитаризма.

— Обсуждение в тестовом режиме идей, которые появляются.

— Партия должна нести идеологию, национальную идею, смысл.

— Нужны хотя бы 2 противостоящие партии, но такие, чтобы было возможно развитие. Цель — не нанайская борьба без эффекта.

— Партия отражает мнение народа о происходящем в стране. Так как мнений много, то и партий должно быть много.

Достаточно уверенно российские граждане трактуют и роль партий как инструментов конкуренции за власть: партии позволяют объединить усилия единомышленников (чаще на этом акцентировали внимание сторонники оппозиционных партий, в первую очередь КПРФ и ЛДПР):

— Цель одна у любой партии — захват власти. Под разными лозунгами одна цель.

— В период выборов только выражают интересы, играют на всех точках болевых.

В то же время не менее половины опрошенных отмечали, что в современных условиях можно усомниться в необходимости партий, что сейчас они играют роль политических статистов, не оказывая серьезного влияния ни на что. По понятным причинам идеи эти среди сторонников «Единой России» звучали реже, чем среди поддерживающих остальные партии.

— Пока исполнительная власть воплощает в себе и исполнительную, и законодательную, толка не будет, они будут делать все что хотят.

— В наше время партии не нужны. В наше время власть — это монополия. Гласности нет, говорить нельзя.

— Партии занимаются второстепенными проблемами, улицы переименовывают...

Идеи о том, что партии не нужны вовсе или достаточно одной партии, озвучиваются лишь единичными респондентами, как правило, старшего возраста из числа сторонников КПРФ.

— Царь должен быть один, президент должен быть один, во всяком случае, для нашего народа.

* <http://wciom.ru/novosti/reitingi/reiting-obshchestvennykh-institutov.html>

**ФОМ // Оценка итогов выборов в Думу, на основании опросов 5–7 и 8–9 дек. 2007 г. — <http://bd.fom.ru/report/map/d074921>

*** Здесь и далее курсивом выделены прямые цитаты из стенограмм фокус-групп.

Идейно-политические воззрения электоратов различных партий							Таблица 2.
Кому Вы скорее симпатизируете? (Закрытый вопрос, один ответ)							
Сторонники политических партий							
	Всего опрошенных	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	Справедливая «Россия»	Демократы (партии «Правое дело» + «Яблоко»)	
<i>Коммунистам</i>	8	4	83	0	4	0	
<i>Другим левым силам, в том числе социалистической и социал-демократической ориентации</i>	3	3	1	10	4	9	
<i>Сторонникам сильного и социально ориентированного государства</i>	20	23	3	14	33	17	
<i>Сторонники сильного государства и рыночной экономики</i>	16	20	0	22	11	17	
<i>Русским националистам, выступающим против наплыва в Россию приезжих из южных и юго-восточных регионов</i>	4	3	1	18	2	13	
<i>Сторонникам возрождения страны на основе православия и дореволюционных традиций</i>	4	4	0	2	11	0	
<i>Правозащитникам и демократам, выступающим против угрозы диктатуры и произвола со стороны государства</i>	4	4	0	8	4	13	
<i>Сторонникам сокращения вмешательства государства в экономику и свободное развитие бизнеса</i>	2	2	0	0	2	0	
<i>Иное</i>	1	1		2	2	4	
<i>Не интересуюсь политикой</i>	26	23	6	20	15	13	
<i>Затрудняюсь ответить</i>	12	13	6	6	11	13	

— В Белоруссии никаких проблем с платой за газ нет. Там один лидер, он решает все сам, а у нас и на Украине идет своя внутривнутриполитическая борьба, и получите результат.

Особенности стратификации электоратов

Общим местом в анализе российских партий является констатация слабой структурированности общественных интересов, водоразделов между сторонниками различных идейных течений. Под таковыми следует понимать не идеологические противостояния, а любые объективно заданные факторы, порождающие «особость» политического мышления. В России на подобную роль не смогли претендовать ни «врожденные идентичности» типа этничности или конфессии, как это происходило во многих центрально-европейских и балканских странах; ни региональные «особости», подобные украинскому «востоку» и «западу». Тем более — с учетом короткой и во многом ущербной истории развития рыночной экономики — не становятся главными водоразделами отношения собственности, то есть социально-классовые различия.

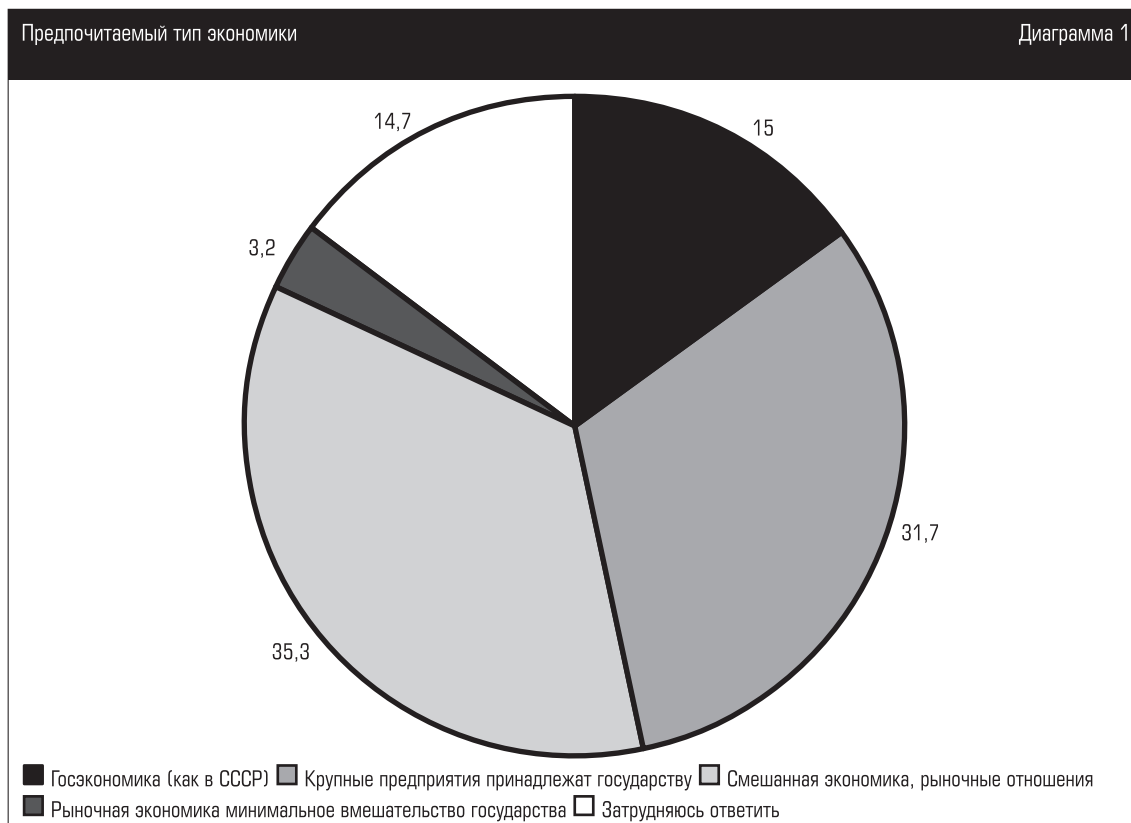
Представление об идейно-политических предпочтениях электоратов ведущих партий дает исследование ВЦИОМ «Кризис и идейно-политические взгляды россиян: левый поворот или объединение вокруг власти?»*.

Как следует из этих данных, только в одном случае имеется сильная корреляция идеологической установки и партийных предпочтений: 83% сторонников КПРФ ассоциируют себя с коммунистической идеологией, т.е. это единственная сохранившаяся в России «идеологическая партия». В остальных случаях можно говорить лишь о некоторых «сгустках» идеологических предпочтений:

- Сторонники «Единой России» выбирают два варианта, связанных с «сильным государством»: 23% хотят видеть такое государство в первую очередь «социально ориентированным», а еще 20% — «рыночным»; всего это 43% электората партии, т.е. сильная государственность может считаться главным «идейным запросом» избирателей этой партии. Обратим, однако, внимание, что более трети (36%) избирателей «Единой России» вообще уходит от ответа на подобный вопрос, в т.ч. почти каждый четвертый (23%, рекордный показатель) заявляет, что «не интересуется политикой», но, добавим, при этом поддерживает власть.
- В электорате ЛДПР преобладают также две позиции — «сильное и рыночное государство» (22%) и национализм (18%).
- Электорат «Справедливой России» максимально четко высказывается за «сильное социальное государство» (33%), но при этом не испытывает сильных симпатий ни к коммунистической, ни, чего следовало бы ожидать, социал-демократической идеологии (всего по 4%), зато за «православие и дореволюционную традицию» высказываются 11% избирателей-эсеров. Иначе говоря, от единосроссов их отличает (помимо важного вопроса об отношении к власти) меньшая ориентированность на рынок и большая приверженность консервативной традиции, но вместе с тем левизна для них — скорее, прагматическая патерналистская установка, чем идеологическая ценность.
- У избирателей либеральных партий отмечается только поддержка правозащитной тематики (13%), впрочем, малый объем подвыборки требует осторожности в интерпретации этих данных**.

* ВЦИОМ // Пресс-выпуск. — № 1147. — 3.03.2009 г. — <http://wciom.ru/novosti/press-vypuski/press-vypusk/single/11340.html>

** Например, вызывает сомнение корректность высокой поддержки этим электоратом националистических и нулевой поддержки ценностям свободного предпринимательства.

Впрочем, даже такая классификация имеет ограниченную ценность. Например, в отношениях к типу экономического устройства* выявилось, что полностью государственную экономику поддерживают 15% респондентов, что почти вдвое больше сторонников коммунистической идеологии (разные опросы фиксируют эту долю практически на том же уровне, что упомянутое исследование ВЦИОМ), за «рыночную экономику с минимальным вмешательством государства» (чисто либеральная позиция) высказываются 3%, а большинство общества колеблется между «сильным» и «умеренным» дирижизмом (32% и 35% соответственно). Не углубляясь в эту тему, отметим, что аналогичная «чересполосица» проявлялась — по данным разных исследований последних лет — и по другим политически и идеологически значимым вопросам, которые могли бы стать водоразделами между «духовными семьями» в российском обществе.

Мы не обсуждаем возможные последствия для страны противостояний на этнонациональной или религиозной почве и не отрицаем наличия у россиян «врожденных» или «благоприобретенных» идентичностей (воспользовавшись классификацией Клиффорда Гирца)**, пересечения которых определяет структуру идейно-политических течений в обществе, а просто констатируем: на отрезке 1990–2008 годов ни одна линия водораздела общества не сыграла роли «яйца», разбивание которого с разных концов породило в классической антиутопии Дж. Свифта партии «тупоконечников» и «остроконечников». Единственным таким расколом было противостояние «партии реформ» и «партии реставрации», то есть общей ориентации больших групп населения на продолжение или прекращение посткоммунистических реформ. Однако именно эта биполярность, как показано выше, сначала затрудняла формирование

* Всероссийский опрос компании «Баширова и партнеры», 1–25 июля 2008 г., 1500 респондентов.

** Geertz C. *The Interpretation of Cultures*. N.Y.: Basic Books, 2000.

третьих сил в политическом пространстве, а со временем сошла на нет, когда угроза реставрации перестала восприниматься как нечто серьезное и обществом, и политической элитой. На смену ей в условиях экономического подъема и повышения уровня жизни пришел неписанный «социальный контракт»: если власть обеспечивала значительной части общества улучшение (как минимум — не ухудшение) их материального состояния, политическую и экономическую стабильность, в обмен общество поддерживало курс власти и ее политическую партию.

Социально-демографические профили партийных электоратов

Анализ электорального поведения россиян на парламентских выборах 2007 г., скорее, подтверждает слабость социально-демографических водоразделов (см. таблицу в Приложении). На основании данных опросов (как проведенных сразу после выборов, так и на конец 2008 г.) можно выделить лишь некоторые грубые тенденции:

«Единая Россия»

Электорат партии власти, т.е. «Единой России» максимально близок к портрету «средне-статистического избирателя», что можно считать достижением для партии, претендующей на выражение интересов большинства населения и апеллирующей к самым широким слоям электората. Тем не менее в этом электорате есть набор значимых особенностей:

- Женщины оказывают большую поддержку «Единой России», чем мужчины (разница от 8 до 14 пунктов по разным опросам, т.е. даже с учетом того, что женщин во взрослом населении больше, чем мужчин, этот перевес значителен).
- С возрастом поддержка «Единой России» имеет тенденцию к линейному снижению, впрочем, тенденция выражена достаточно слабо, и к выборам «Единая Россия», как правило, целенаправленно работает именно со старшими возрастными группами.
- Поддержка «Единой России» среди граждан с высшим образованием несколько ниже средней.
- За «Единую Россию» более охотно голосуют наиболее и наименее обеспеченные слои населения. Очевидно, первые имеют больше оснований быть удовлетворенными курсом партии власти, а последние уповают на ее социальную защиту.
- Максимальных значений поддержка «Единой России» достигает на селе, а труднее всего этой партии «дается» крупный город.

Таким образом, «Единая Россия» наиболее уверенно обретает поддержку у более консервативных, патерналистски настроенных слоев населения (женщины, сельские жители, малообеспеченные), а также среди очевидных «выигравших от реформ» (зажиточные граждане). Более скептически отношение к этой партии у «модернистских» стран — высокообразованных и жителей крупных городов. Отметим, что эти данные коррелируют с описанными выше идейными предпочтениями единороссов, в которых выделяются запросы на «социальность», «рыночность» и политическая пассивность (напомним, примерно по пятой части электората в каждом случае).

Среди основных мотивов голосования за «Единую Россию» респонденты выделяют в первую очередь желание поддержать В. Путина (44%, наравне с аналогичным показателем 2007 г.); на втором месте — доверие и положительное отношение к самой партии (39%, рост с 32% в 2007 г.)*. Неудивительно, что полугодом ранее большинство россиян (72% среди всего населения и 88% сторонников «Единой России») одобрили решение В. Путина возглавить партию — этот шаг представлялся им естественным, как показали качественные

* *Единая Россия, что нам в ней нравится, а что — нет.* — ВЦИОМ // Пресс-выпуск. — № 1095. — 18.11.2008.

исследования, проанализированные ниже, приход В. Путина на пост председателя партии не столько дает партии количественное приращение сторонников (этот показатель и так велик), сколько закрепляет и усиливает мотивацию у сторонников: они и раньше ассоциировали партию с ведущим политиком страны, в апреле же 2008 г. получили убедительное свидетельство прочности этой ассоциации. Соответственно, 61% всех россиян и 72% сторонников «Единой России» уверенно прогнозируют усиление роли «Единой России» в жизни страны*.

Такой шаг партии, как открытие общественных приемных В. Путина, получил одобрение 75% россиян; 35% выразили готовность обратиться в эти приемные в случае возникновения у них проблем, причем из этой подвыборки 45% уверены в том, что им будет оказана помощь**.

Как показывают качественные исследования электората партий, проведенные специально для подготовки настоящего доклада, основные мотивы поддержки «Единой России» ее сторонниками остаются сильными и устойчивыми, в т.ч.:

- Представление о «Единой России» не просто как о партии власти, но единственной сильной и дееспособной партии, которая безальтернативна в качестве партии, стоящей «у руля».
- Вытекающий из предыдущего мотив поддержки партии реальных дел (другие партии, по мнению большинства избирателей, не способны на конкретные дела).
- Партия, ассоциирующаяся с популярным лидером В.В. Путиным. Новым моментом становится добавление к этому аргументу фамилии Д.А. Медведева, причем усиливающая, а не противоречащая ассоциации с В.В. Путиным.
- Новым моментом стало более конкретное ассоциирование с партией конкретных дел и достижений, среди которых и законопроекты, принятые Государственной думой, и ее работа «на местах» (массовые акции для детей, пенсионеров, строительство спортивных площадок и т.п.) Важно, что «Единая Россия» стала считаться «доступной»: жители (во всяком случае, в Москве) привыкли к существованию общественных приемных партии. Правда, более частым стало и атрибутирование партии ответственности за неудачные или вызывающие критику явления: плохое материальное положение пенсионеров, рост цен и т.п. (раньше партию за это критиковали только оппозиционеры, теперь критика чаще звучит и со стороны сторонников).
- Еще один новый момент — испытываемая потребность сплотиться вокруг власти (значит, и поддержать провластную партию) *когда на слуху один кризис*. Таким образом, свое стремление «прислониться к власти» граждане распространяют и на «Единую Россию».

Вместе с тем, сторонники «Единой России» говорили о следующих минусах партии, несколько снижающих мотивацию голосования за нее:

- Игнорирование партией проблемы роста социальной напряженности в обществе (например, роста проявлений национализма).
- Невыполнение партией своих предвыборных обещаний в отношении повышения уровня жизни населения.
- Непродуманность социальных программ, проектов, реализуемых партией, унификация программ для территорий с разным уровнем жизни населения.
- Свертывание демократических тенденций в стране за счет участия партии в централизации власти и выстраивания властной вертикали.

* Съезд «Единой России»: подводим итоги. — ВЦИОМ // Пресс-выпуск. — № 943. — 25.04.2008.

** Общественные приемные Владимира Путина. — ВЦИОМ // Пресс-выпуск. — № 1041. — 08.09.2008.

- Большое количество чиновников — членов партии снижает эффективность ее работы и способствует проявлениям коррупции, бюрократии и формализму.

Партия была нужна как объединяющий фактор, т.е. обязательно надо было создать инертную, мощную структуру. В итоге переборщили.

* Наличие «кадрового балласта» (людей, вступивших в партию для достижения личных целей и зачастую дискредитирующих ее).

- Отсутствие единства внутри партии.
- Неэффективная работа партии на местах (в регионах), отсутствие полноценных контактов с институтами гражданского общества.

Сторонники других партий повторяют те же аргументы (хотя с большей решительностью и обвинительным уклоном). Принципиально иное содержание претензий сторонников других партий заключается в отказе партии власти в самостоятельном существовании, в ее идеологическом неприятии, в потребности иметь ей альтернативу в парламенте:

- Неприемлема идеология и принципы социально-экономической политики, проводимой «Единой Россией» — ориентация на интересы элиты, а не народа (*Мы за права трудящихся, а в «Единой России» собралась верхушка*), расслоение населения по уровню доходов, отсутствие демократии, «замораживание» Стабилизационного фонда.
- Партия является марионеточной, не обладает своими политической волей и мнением; гипертрофированные размеры партии заставляют предполагать наличие там большой доли случайных людей.

Прикормили кучу народа, чтобы добиться стабильного положения во власти. Партия не имеет ни своего мнения, ни лидеров в своем числе (сторонник КПрФ).

- «Единая Россия» не имеет самостоятельных заслуг — партии приписывают заслуги и достижения исполнительной власти.
- Протест против административного и информационного давления на электорат со стороны «Единой России» в ходе предвыборной кампании, подавления других партий, нечестного поведения в ходе выборов.
- Возникающие аналогии с КПСС и тоталитарным режимом, искоренением политического плюрализма.

Что хотят, то и делают. Компартия в чистом виде. От чего ушли, к тому и пришли, только в более уродливом варианте.

- Необходимость оппозиции, политической конкуренции, в противном случае «правящая партия» может продвинуть любое решение.
- Возможность выразить свое мнение, не быть как все — мотив, чаще свойственный сторонникам ЛДПР (*«Мы не должны вести себя как стадо»*).

Таким образом, в 2008 г. общественная поддержка партии «Единая Россия» оставалась высокой; хотя в количественном выражении она не выросла с 2007 г., однако мотивация и качественное наполнение этой поддержки обогатились. По-прежнему основываясь на высокой личной популярности В. Путина, эта поддержка включает рациональные мотивы поддержки курса на стабильность.

КПрФ

В электорате **КПрФ** наиболее выраженной социально-демографической особенностью является линейное возрастание поддержки партии с возрастом избирателя. Практически две трети нынешнего электората КПрФ — граждане не моложе 55 лет, а молодежь до 30 лет составляет не более 10% этого электората; таким образом, возрастная структура партии с 90-х

годов не изменилась (вопреки заявлениям вождей КПРФ о росте ее поддержки среди молодежи). Существенным представляется другое изменение: ныне не наблюдается существенных колебаний рейтингов партии в разных типах населенных пунктов, это означает, что за последнее десятилетие КПРФ утратила (в пользу партии власти) свое преимущество на селе, но сохранила позиции в городах, особенно крупных. Другие социально-демографические особенности — высокая поддержка среди малообеспеченных слоев и лиц без полного среднего образования, скорее всего, являются функцией от возрастной структуры: в этих когортах много пожилых людей. С гендерной точки зрения за КПРФ активнее голосуют мужчины, чем женщины. Как отмечалось выше, это единственная группа, имеющая четкую идеологию, которую сами они готовы определять как «коммунизм» или «социализм», но на самом деле было бы корректнее определять ее как «советский [нерыночный] традиционализм»*.

Сторонники КПРФ сохраняют традиционную мотивацию поддержки партии. Это — привычка, а также сохраняющиеся у этих людей «советские» ценности и идейно-политические воззрения, которым КПРФ в своем нынешнем виде вполне соответствует. Твердых сторонников удовлетворяет и лидерство Г. Зюганова, выступление которого на президентских выборах они считают успешным, а если и выдвигают претензии, то только за неспособность подготовить себе смену.

Антивластные настроения у сторонников КПРФ находятся на традиционном уровне. В связи с этим следует отметить, что примерно треть из них (подчеркнем, речь идет не об «аппаратчиках» партии, а рядовых избирателях) питают надежду, что экономический кризис даст им шанс обрести более широкую поддержку (*Надо ждать, пока народ выйдет на улицы*). При этом даже такие оппозиционеры не желают экстремального развития событий, хаотизации политической и общественной жизни (даже если это и сулит их партии большую популярность).

Еще один заслуживающий внимания момент — появление в рядах сторонников КПРФ бывших избирателей других оппозиционных партий — «Родины», «Яблока». В условиях сокращения межпартийной конкуренции КПРФ, по сути, возвращает себе роль «главной оппозиционной силы», которая принадлежала ей в прошлом десятилетии, но потом стала утрачиваться. «Умирание» других оппозиционных партий и относительно успешное выступление КПРФ на парламентских и Г. Зюганова на президентских выборах приводят «под знамена» КПРФ тех «недовольных», для которых главный мотив голосования — подлинная, а не «искусственная» (как у ЛДПР или «Справедливой России») оппозиционность власти. **Вряд ли это явление примет массовый характер, однако недооценивать образ КПРФ как «главной оппозиции» нельзя — особенно если кризисные явления в социально-экономической жизни будут нарастать.**

Как показал посвященный КПРФ опрос фонда «Общественное мнение»**, отношение к КПРФ в обществе в целом стало относительно нейтральным: практически равные доли (35% и 36% соответственно) относятся к ней положительно и отрицательно (естественно, что в старших возрастных группах этот баланс более положителен). В 2002–2004гг. наблюдался всплеск негативных реакций на КПРФ (50–55% отрицательных оценок), который сменился более взвешенным отношением, потому, очевидно, что КПРФ утратила роль сильного антагониста власти. 29% считают, что цели этой партии близки таким людям, как они сами, что существенно выше электората КПРФ. Казалось бы, это дает партии надежду на расширение

* Зевина О., Макаренко Б. *Политические субкультуры — далекие и близкие. Технологии политики.* — М.: Центр политических технологий, 2006. — С. 191–218.

** КПРФ: отношение к партии // ФОМ. — 11. 12. 2008 г.

своей электоральной поддержки, особенно в условиях кризиса, но пока это проявляется лишь в весьма ограниченной степени. Ответы людей, задействованных в исследовании ФОМ, подтверждают, что партия (за пределами своего традиционного электората) воспринимается как «явление из прошлого», ей фактически отказывают в политической перспективе.

ЛДПР

В электорате ЛДПР наблюдается обратная (по сравнению с КПРФ) демографическая тенденция: с возрастом поддержка партии убывает, и в старших возрастных группах составляет всего 2–3%. Традиционно в электорате этой партии мужчины составляют 65–70%. Данные о поддержке ЛДПР в различных когортах по уровню образования, дохода и в разных типах населенных пунктов не отличаются последовательностью. Скорее, на уровне общих наблюдений*, можно утверждать, что на сторону ЛДПР встают такие «социальные типы», как:

- молодые люди, зачастую — студенты, привлеченные яркой и «незанудной» риторикой В. Жириновского;
- мужчины среднего возраста, испытывающие неудовлетворенность своим социальным статусом, зачастую — авторитарного типа (у них сильны националистические настроения);
- занятые в частном бизнесе — как мелкие предприниматели, так и наемные работники; обе эти категории зависят в своих доходах не от государственной зарплаты/пенсии, а от успешности частной инициативы, в которую они вовлечены (этим людям присущи больший индивидуализм и критический взгляд на окружающий мир).

«Ядерный» электорат ЛДПР остается верен своему выбору: и содержание, и стилистика деятельности В.В. Жириновского вполне соответствуют его менталитету. Признавая, что других мотивов голосования (кроме поддержки ее лидера), по сути, нет, избиратели ЛДПР не сомневаются в том, что поддержат партию вновь.

«Справедливая Россия»

Электорат «Справедливой России» поддается анализу с большим трудом: в отличие от трех остальных парламентских партий, масштаб поддержки которых относительно стабилен как в «сезон выборов», так и в межвыборный период, у новой партии, как свидетельствуют приведенные в таблице в Приложении данные ФОМ, поддержка сократилась практически вдвое (что не означает, что у «Справедливой России» нет потенциала ее расширения в конкретных избирательных кампаниях). Очевидно, что он имеет черты сходства как с электоратом КПРФ, так и «Единой России». У «Справедливой России» высока поддержка в старших возрастных группах, но, по данным Левада-Центра, там несколько больше лиц среднего и предпенсионного возраста и меньше собственно пенсионеров; за «Справедливую Россию» также голосуют преимущественно небогатые люди, но, скорее, со средне-низким, а не низким доходом. То, что за партию меньше голосуют на селе, а больше — в крупном городе, может свидетельствовать о «болезни роста»: партия еще не «проросла» в глубинку. В сочетании с отмеченным выше запросом этого электората на патернализм и социальное государство можно утверждать, что преобладающий «социальный тип», голосующий за эту партию, — это граждане с невысоким социальным статусом и активностью, испытывающие потребность в патерналистской опеке со стороны государства; такой человек (в силу возрас-

* В данном случае автор основывается на пятилетнем опыте ведения количественных социологических исследований в г. Москве и анализе социологических данных по России, как минимум не противоречащих этим наблюдениям.

та и большей встроенности в «новую жизнь») уже не вникает в архаичную риторику КПРФ, но имеет больше претензий к государству, которые стремится выразить в голосовании за умеренно оппозиционную партию.

Как относительно новая партия, «Справедливая Россия» не имеет значительного электорального ядра: неслучайно, многие из тех, кто голосовал за партию в 2007 г., высказывали разочарование ее низкой активностью, *незаметностью* после выборов. Однако перед новыми выборами она вновь имеет шанс увеличить число сторонников. Главный мотив голосования за «Справедливую Россию» — умеренный протест против недостаточной «социальности» политики власти. К этому добавляется отторжение *бюрократического стиля* «Единой России» (в т.ч. слишком назойливой предвыборной агитации). В рядах именно этой партии наблюдается рост критических замечаний в адрес В.В. Путина (видимо, так проявляется разочарование его приходом в «Единую Россию»), характерно, что в этих условиях сторонники «Справедливой России» декларируют свою лояльность Д.А. Медведеву. При этом они хотели бы видеть свою партию не ярким оппозиционером власти, но советником, критиком, генератором идей в парламенте.

Среди других мотивов поддержки, практически не встречающихся у остальных оппозиционных партий, — уважение не только к ее лидеру (С.М. Миронова упоминали лишь единичные сторонники «Справедливой России»), но и к активным депутатам.

Либеральные партии

Анализ электората **либеральных партий** — «Яблока» и СПС, преобразованного в «Правое дело», представляется еще более затруднительным из-за ограниченности размера подвыборки сторонников этих партий в типовых общероссийских опросах. С уверенностью можно утверждать лишь то, что за либеральные партии чаще голосуют высокообразованные граждане, жители Москвы и крупных городов; либералам традиционно отдает предпочтение некоторая часть высокообеспеченных граждан (что коррелирует с двумя предыдущими критериями).

Ни «Яблоко», ни формирующаяся новая партия «Правое дело» не пользуются популярностью, которая позволила бы им реально конкурировать за места в Думе. В общественном сознании сохраняется парадокс, возникший еще в избирательной кампании 2003 г.: сторонниками не просто либеральной идеологии, но партий такой направленности объявляет себя существенно больший сегмент общества, чем доля голосующих за «Яблоко» и СПС (а также некогда существовавшие в этом поле ДПР и «Гражданская сила»). Так, по исследованию ВЦИОМ, «правые, либеральные идеи, политическая демократия, сближение с Западом» симпатичны 14% россиян*, рейтинги же обеих либеральных партий колеблются вокруг отметки 1%.

Недавнее исследование ВЦИОМ** показало, что «Яблоко» утратило роль реальной политической партии, каковой она, безусловно, являлась в прошлые годы: 8% респондентов помнят, что хотя бы раз голосовали за «Яблоко», а поскольку реальные результаты «Яблока» никогда не превосходили эту цифру, такую «долгую память» следует считать косвенным доказательством того, что голосование за «Яблоко» для многих россиян было значимым политическим поступком, который запомнился.

Ныне же лишь 10% считают, что у партии есть «парламентское будущее» — снижение с 19% в 2006 г. (даже среди собственно «яблочных» избирателей в это верят лишь 27%). Уход

* *Правое дело и его политические перспективы.* // ВЦИОМ. — Пресс-выпуск. — № 1109. — 3.12. 2008 г.

** *«Яблоко» без Явлинского: есть ли перспективы?* // ВЦИОМ. — Пресс-выпуск. — № 996. — 4. 07. 2008 г. — http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/10352.html?no_cache=1&cHash=c70ad5a8dc

Г. Явлинского, личность которого всегда была очень весомым мотивом в голосовании за партию, фактически одобрили (т.е. отказали в политическом будущем) 49% всех респондентов, в т.ч. 42% бывших и нынешних избирателей «Яблока»; правда, среди последних почти столько же (38%) хотели бы, чтобы он оставался во главе партии, тогда как во всем электорате за продолжение его партийной карьеры высказались лишь 11%.

Что касается «Правого дела», то создание этой объединенной партии одобрили по упомянутому выше опросу ВЦИОМ 42% россиян. Заслуживает внимания, что 37% считают, что она должна отстаивать свои идеи, не входя в конфликт с Кремлем, и 33% допускают такой конфликт, но лишь 14% — за то, чтобы он принимал характер принципиальной оппозиции власти. При этом сами сторонники либеральной идеологии дают своей партии практически такое же напутствие (40% — за конструктивные отношения с Кремлем, 27% — за умеренную и 15% — за жесткую оппозицию).

Московские либералы (и бывшие сторонники СПС, и «яблочники») резко критично настроены к «прокремлевскому характеру» новой правой партии. Можно сказать, что, не имея реальной информации о ее программе и лидерах, они приписывают «Правому делу» недостатки и «старого», и «нового» партийных проектов: для многих из них Л. Гозман символизирует сохранение «духа Чубайса», а ориентация на Кремль — свидетельство искусственного, «ненастоящего» характера партии.

3. «Предложение»: основные партии современной России

Идейно-политическое позиционирование партий

Оценивать идейно-политическое позиционирование российских политических партий затруднительно по нескольким причинам.

Во-первых, в российских условиях невозможно классическое деление на правых и левых. На то в свою очередь есть две причины: ряд партий де-факто апеллирует к «традиции» (что естественно для любой политической системы), но «традиция», т.е., советское прошлое одновременно является левой и державной и лишенной начал частного предпринимательства. В силу этого левая идейная позиция в социально-экономических вопросах (у КПРФ и левоцентристских партий) сопровождается апелляцией к державности, патриотизму, порой — национализму и религиозным ценностям, что не свойственно левым партиям в сложившихся партийных системах. У тех, кого принято в российских условиях называть правыми, экономические платформы различны (у СПС — действительно правая, у «Яблока» — скорее, социально-либеральная), в то же время силен акцент на правах человека, гражданских свободах, правах меньшинств и почти не упоминаются традиция, религиозная мораль и т.п., что также не свойственно правым партиям в устоявшихся партийных системах.

Вторая причина — наличие в партийной системе доминирующей партии (или партии власти). Как и многие другие доминирующие партии, «Единая Россия» пытается апеллировать к самым широким слоям электората, а потому у нее сильна социальная риторика, в то же время объективно (если судить по принимаемым партией законодательным решениям) «Единая Россия» — скорее, правоцентристская партия*.

В-третьих, традиционный способ оценки идейно-политической позиции партии заключается в анализе ее программных документов и голосований в законодательных органах

* В качестве аналогии укажем на мексиканскую Институционально-революционную партию, которая исторически позиционировалась как социально-демократическая и состоит в Социнтерне, в то же время проводит правоцентристскую политику.

Голосование партийных фракций по важнейшим вопросам		Таблица 3.		
	ЕР	СР	КПРФ	ЛДПР
Утверждение В.В. Путина Председателем Правительства РФ (08.05.08)	за	за	против	за
Бюджет (19.09.08)	за	против	против	за
Увеличение срока полномочий Президента РФ и депутатов Госдумы (21.11.08, в третьем чтении)	за	за	против	за (1 — против)
Установление контрольных полномочий Госдумы в отношении Правительства РФ (21.11.08, в третьем чтении, единогласно)	за	за	за	за

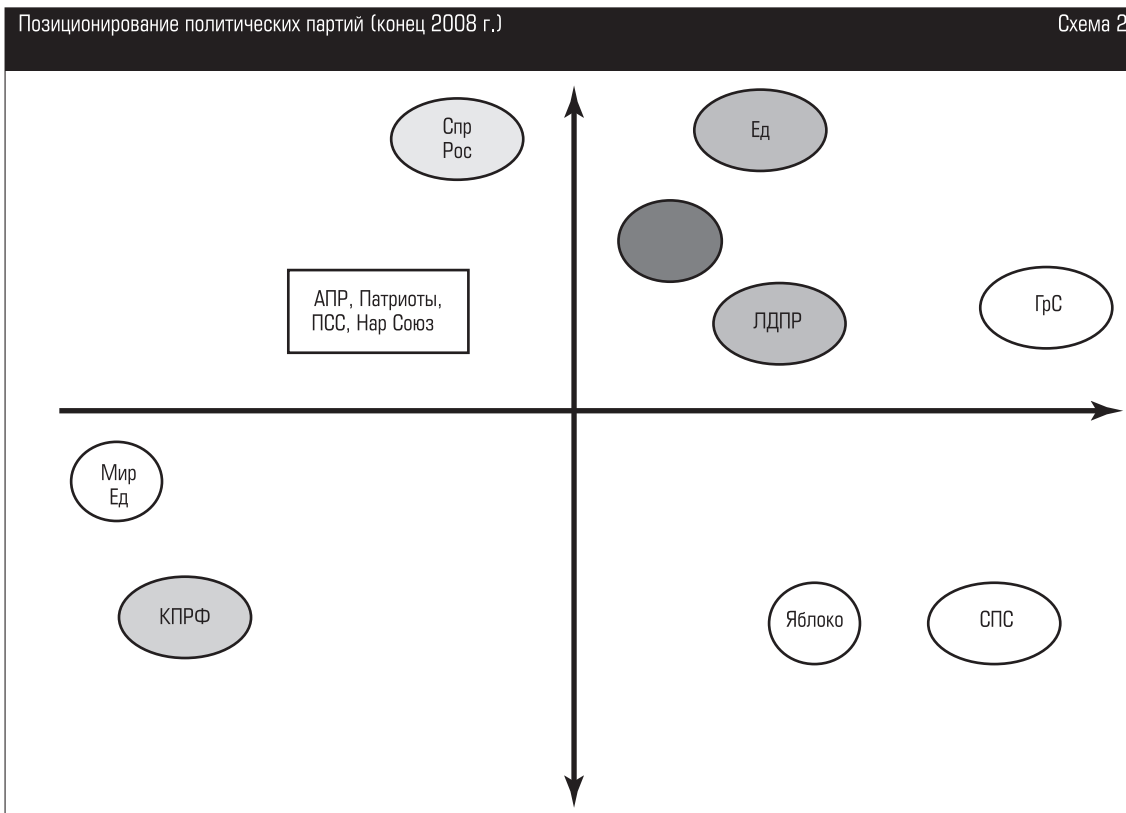
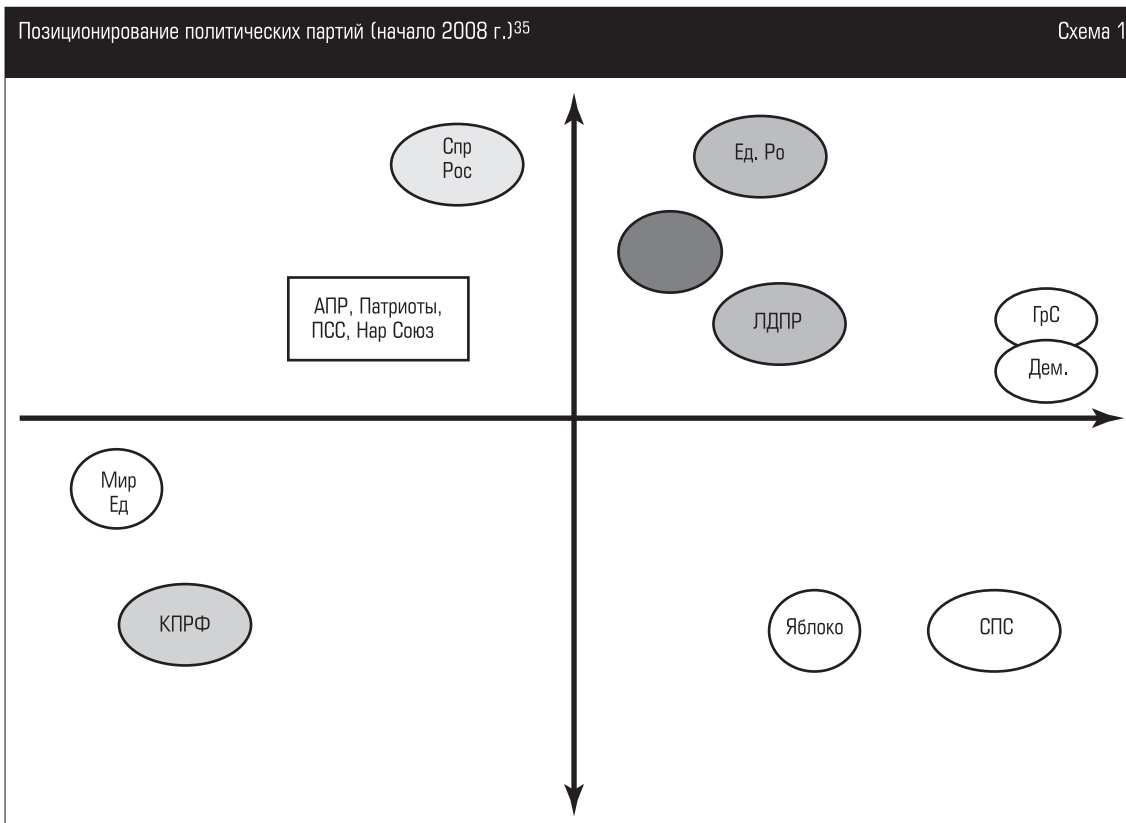
власти. В России этот способ применим лишь в ограниченной степени. Как указывалось выше, законодательная власть в России слаба; к тому же наличие в парламентах последних лет устойчивого большинства одной партии фактически превращает программы остальных партий в «умозрительные» — шансы на их практическую реализацию не считаются реальными ни самими партиями, ни их потенциальными избирателями. К этому добавляется и слабость гражданского общества в России: у большинства политических партий связи с избирателями слабы и неструктурированы, что затрудняет формулирование программных требований в форме конкретных программных положений.

В этих условиях для большинства партий стратегия продвижения программ сводится к выдвиганию общих лозунгов, которые призваны «зацепить» те или иные электоральные группы и одновременно закрепить имидж партии как принадлежащей к той или иной политической нише (левой, либеральной или иной). Исключение из этого правила составляют лишь «Единая Россия» как партия правительственного большинства и последовательно оппозиционные партии со своей идеологией — КПРФ, «Яблоко», в прошлом — СПС*.

Одновременно важнейшей составляющей идейно-политического позиционирования становится выраженное в программных документах и практической деятельности отношение к Кремлю, т.е. к федеральной исполнительной власти. По этому параметру все российские партии условно можно разделить на три блока:

- «Единая Россия» как партия власти полностью поддерживает исполнительную власть; в отдельных случаях партия допускает критику конкретных действий или фигур в правительстве, не ставя под сомнение свою лояльность власти в целом.
- Партии, жестко оппозиционные Кремлю. Оппозиционность выражается в голосованиях против кремлевских (губернаторских, единороссовских) инициатив и кандидатур или персонализированной критике власти, в т.ч. по важнейшим вопросам, выдвигании предложений по радикальному пересмотру политической системы, экономической и социальной политики. В эту категорию попадают из парламентских партий — КПРФ, из внепарламентских — «Яблоко» и в прошлом — СПС.
- Партии, занимающие позицию частичной поддержки и частичной критики власти; при этом критика носит обезличенный характер, не «переходит на личности» и, как правило,

* В определенном смысле исключением является и «Справедливая Россия», о чем будет сказано ниже.

* Зеленым цветом выделены парламентские партии.

не затрагивает знаковых для Кремля политических вопросов (например, выборности губернаторов или членов Совета Федерации). Сочетание лояльности и критичности, равно как и градус критики, могут существенно варьировать от партии к партии, но принципиального значения это не имеет. Например, программа «Справедливой России» весьма критична, но в реальных голосованиях (особенно в важнейших — бюджетконституционная поправка об увеличении президентского срока, выборности губернаторов или членов Совета Федерации) партия неизменно поддерживает Кремль. В эту категорию входят все российские партии, кроме обозначенных в двух других категориях.

Таким образом, даже с оговоркой об условности лево-правой оси в российской политике идейно-политическое позиционирование российских партий можно представить в виде следующих схем:

Программы конкретных партий разбираются ниже. В качестве общего замечания по программам партий на выборах 2007 г. (тогда, когда эти партийные документы проходят «испытание публичностью») можно сделать следующие выводы:

- По степени конкретности выделяются три программы, хотя основания для этого различны: у «Единой России» программа содержит краткий отчет об основных достижениях страны за срок полномочий уходящей Думы, в которой партия имела большинство, и конкретные обязательства (что естественно для партии большинства); КППФ выдвинула пошаговую программу преобразований, сопровождая каждый шаг конкретными индикаторами (сказался опыт большой и многоопытной парламентской фракции); что же касается «Справедливой России», то ее программа представляла собой грамотный политтехнологический документ, в котором были собраны все болевые точки социально-экономической жизни страны и даны конкретные, хотя производящие впечатление малореалистичных и завышенных, обещания, в первую очередь — в области социальной политики. Правда, следует оговориться, что «Единая Россия» в реальной кампании преимущественно оперировала понятием «план Путина», редко доходя до раскрытия конкретных положений своей программы.
- У остальных партий конкретность программ была гораздо меньшей. Однако обращает на себя внимание сосредоточенность большинства программ на одних и тех же болевых точках. Соревнуясь за наиболее дисциплинированный «пензионерский» электорат, все партии говорили о необходимости повышения коэффициента замещения (т.е. фактически радикальном повышении размера пенсий). Другими общими темами стали (у многих партий, но не либералов) «природная рента», т.е., перераспределение в пользу граждан доходов от экспорта минеральных ресурсов, активная демографическая политика, ограничение роста тарифов. Можно утверждать, что подобный «оппозиционный консенсус» оказал воздействие и на риторику партии большинства, которая также поднимала эти темы — **именно таким образом партийная система оказала воздействие на государственную политику России: она смогла аккумулировать мнения и выделить приоритетные проблемы, действительно волнующие большую часть граждан России.**
- По набору приоритетов и предлагаемым решениям можно достаточно уверенно выделить блоки левоцентристских и либеральных партий (см. также схему 1 выше). К числу первых (в кампании 2007 г.) можно отнести «Справедливую Россию», Аграрную партию, Партию социальной справедливости, «Патриотов России», «Народный Союз», Партию мира и единства, к числу вторых — «Яблоко», СПС, Демократическую партию и «Гражданскую силу».

Основные события на партийном поле в 2008 г.

Общая характеристика

Общие тенденции в партийной жизни в 2008 г. следует оценить как противоречивые. С одной стороны, реорганизация партийной системы, произошедшая после выборов 2007 г., представляется вполне разумной и рациональной: большинство прекративших свое существование партий не имели реального потенциала для прохождения в парламент. Это подразумевало и сокращение ресурсов, и трудности в коммуникации с избирателями. Наличие уникальной политической ниши или идейной платформы (что также может служить основанием для существования политической партии хотя бы во внепарламентском пространстве) может быть признано лишь у одной партии, которая прекращает свое существование, — это «Зеленые». Наличие Экологической партии характерно для многих зарубежных партийных систем, особенно в странах с пропорциональной системой выборов. В остальных же случаях слияния, описанные ниже, представляются вполне рациональными с точки зрения объединения усилий партий со схожими политическими программами.

В то же время в 2008 г. продолжалась тенденция на ограничение партийного плюрализма. Прошедшие в 2008 г. президентские выборы, как и предшествующие выборы главы государства, носили плебесцитарный характер, и партии играли в них ограниченную роль; на региональных выборах все чаще отмечались случаи административного давления. Подчиненное, «второстепенное» положение института политических партий в России консервировалось и усугублялось. Партийная система становилась все более «фасадной».

Однако именно в 2008 г. проявились два фактора, которые дают некоторую перспективу активизации партийной жизни.

Во-первых, расширение политической и экономической свободы как неперемennого условия модернизации страны было заявлено в качестве приоритетной задачи новым Президентом России Д.А. Медведевым. В своем Послании Федеральному собранию он предложил конкретные реформы политической жизни страны, которые открывают пути к повышению роли партий в политике.

Во-вторых, вступление страны в финансово-экономический кризис вызвало активизацию партийной жизни. Порожденное кризисом снижение жизненного уровня населения означает окончание неписаного «общественного договора» прошлых лет, при котором большинство граждан было настроено на лояльность власти и даже на ограничение политической активности в условиях сохранения политической стабильности и роста жизненного уровня большей части населения. В условиях кризиса происходит рост социальной напряженности, который требует большей взаимной открытости власти и общества, выстраивания институционализированных каналов диалога. Таким образом, ситуация может востребовать партии в новой для России роли — посредников в формировании нового общественного договора. **Наметившиеся сдвиги в сторону активизации партийной жизни и расширения политического плюрализма сами по себе не в состоянии обеспечить качественное развитие существующих или появление новых реальных партий. Однако они задают тренд, который может в перспективе привести к таким результатам.** Условия и «развилки» в этом тренде кратко формулируются в заключительном разделе настоящей работы.

Президентские выборы

На президентских выборах 2008 г. трое из четырех кандидатов были выдвинуты партиями, представленными в Государственной думе. При этом Д.А. Медведев, будучи официально вы-

двинут партией «Единая Россия», получил также политическую (но не юридическую, поскольку выдвижение кандидата партиями, не представленными в Думе, не предусмотрено законом) поддержку со стороны еще трех партий — «Справедливой России», АПР и «Гражданской силы». Своих кандидатов выдвинули также КПРФ (Г. Зюганов) и ЛДПР (В. Жириновский).

На практике же выборы носили плебесцитарный характер: «кандидат Кремля» защищал президентский пост от оппонентов, выдвинутых оппозиционными партиями (тот же сценарий, что и во всех прошлых президентских кампаниях, начиная с 1996 г.). Разумеется, «Единая Россия» выполняла в президентской кампании Д. Медведева ряд важных ролей — менеджера, коллективного агитатора и т.д., но все же эти роли были вспомогательными. Нет никаких оснований утверждать, что идейно-политические новации кампании Д. Медведева (концепция «четырёх «И», приоритетная роль идеи политических и экономических свобод как мотора модернизации) подсказаны или вытекают из программы «Единой России». Что же касается других партий, поддержавших выдвижение Д. Медведева, то их роль в кампании была минимальной, если вообще имела место.

Уровень соревновательности в кампании следует оценить как невысокий. В отличие от парламентской кампании 2007 г. «партия большинства» не вела кампанию на конфронтационной ноте, не занималась «поисками врага», а утверждала позитив программы будущего Президента. Соответственно, и критика кремлевской партии со стороны оппозиционных кандидатов носила умеренный характер, а их программы были фактически продолжением программ КПРФ и ЛДПР (рассматривать кампанию и в частности программу кандидата А. Богданова в рамках данной работы мы не считаем необходимым). Признание такого характера кампании в качестве реального и желательного можно найти в высказывании В. Путина на пресс-конференции 14 февраля, где он положительно оценил тот факт, что кампания «идет спокойно, вот без вот этих дебатов, без раскачки внутри страны»*.

Оценивая результаты выборов, уместно обратить внимание на тот факт, что все три кандидата получили больше голосов, чем выдвинувшие их партии. Это естественно, поскольку число участников выборов было существенно меньше (четверо кандидатов и одиннадцать партий). Однако если у Д. Медведева и «Единой России» соотношение процентной доли полученных голосов составляет 1,09 (а если считать и голоса, поданные за три прочие партии, поддержавшие его выдвижение, то этот коэффициент опустится ниже единицы), а у В. Жириновского — 1,11, то у Г. Зюганова — 1,53. Тем самым подтвердилась еще одна характерная черта российских президентских выборов: в отличие от голосований в законодательные органы власти (тем более — по пропорциональной системе), президентская кампания всегда носит поляризующий характер, и на роль второго полюса-противовеса Кремлю всегда выдвигается кандидат от Компартии. Дополнительные голоса к нему привлекает не партийная программа и идеология, но роль «главного оппонента» власти, опирающегося на реальную партийную структуру, — собственно, именно так воспринимают Компартию и ее лидера избиратели многих оппозиционных партий.

Региональные выборы

На всех 16 региональных выборах, состоявшихся в 2008 г., убедительную победу одержала «Единая Россия». Лишь один регион — Ярославская область — представился для нее относительно проблемным: это единственный случай, где партия получила менее 50% голосов, и то за счет грубого снятия с выборов «Справедливой России» (которая тремя месяцами раньше

* <http://www.lenta.ru/articles/2008/02/14/putin/>

Итоги региональных выборов 2008 г.					Таблица 3.
	«Единая Россия»	КПРФ	ЛДПР	«Справед-ливая Россия»	Другая/ другие
Март 2008 г.					
Башкортостан	88,1	7,0	1,7	3,5	
Ингушетия	74,1	7,3	11,1	7,4	
Калмыкия	54,6	22,5	3,6	5,0	АПР 7,6
Якутия	52,6	15,8	6,5	14,6	
Алтайский край	53,5	19,6	16,5	7,7	
Амурская обл.	62,4	17,5	11,1	5,6	
Ивановская обл.	60,3	15,3	8,6	10,3	
Ростовская обл.	71,7	15,9	5,8	5,1	
Свердловская обл.	58,4	12,2	16,1	6,2	
Ульяновская обл.	66,4	15,9	7,4	7,8	
Ярославская обл.	49,7	14,6	12,6	-	
12 октября 2008 г.					
Забайкальский край	54,8	13,4	10,8	9,3	АПР 6,9
Иркутская обл.	49,4	13,3	15,1	8,1	Зелен. 5,4
Кемеровская обл.	84,8	3,5	4,7	5,5	
Сахалинская обл.	55,2	23,1	9,9	8,5	
Чечня	88,4	0,33	0,18	9,2	

получила в этой области 12% голосов — в полтора раза выше, чем в среднем по России). Три региона показали результат выше 80%, что очевидно недостижимо без массивного применения административного ресурса.

КПРФ прошла в законодательные собрания 14 регионов, «Справедливая Россия» и ЛДПР — по 10, тем самым четырехпартийная структура федерального парламента в целом воспроизвелась и на региональном уровне. Трудно найти интерпретацию упомянутому выше снятию парламентской (!) партии с выборов в Ярославской области и четвертому месту КПРФ в Кемеровской области — некогда одном из самых прокоммунистических регионов России; впрочем, в Кемерове и «Справедливая Россия» прошла в региональный парламент только благодаря законодательной норме, требующей, чтобы в нем было представлено не менее двух партий. Наряду с Чеченской Республикой и Башкортостаном эти два региона дали наиболее очевидные свидетельства сохранения тренда на ограничение межпартийной конкуренции.

По оценкам экспертов, по-прежнему сохраняется слабая укорененность большинства партий в регионах. Исключение составляют лишь «Единая Россия» и КПРФ: это единственные две партии в стране, которые могут выставить практически в каждом регионе узнаваемых для избирателя лидеров и привязать тематику агитационной кампании к местным проблемам (у остальных партий наблюдается лишь минимальная адаптация типовых партийных агитматериалов, использование образов федеральных лидеров). Правда, в «Еди-

ной России» местная специфика в первую очередь обеспечивается сомнительной практикой выдвижения губернатора во главе партийного списка (6 из 11 регионов весной и все 5 регионов осенью 2008 г.)

Хотя еще сразу после выборов 2007 г. члены ЦИК от оппозиционных партий (Конкин, Дубровина, Колушин) говорили об избыточной зарегламентированности порядка доступа к выборам, высказывали предложения упростить эти требования, предусмотреть возможность исправления ошибок, пока говорить о существенных сдвигах в правоприменительной практике не приходится.

Укрупнение партийной системы

В описанных выше условиях поле для существования малых партий практически исчезает. Реформа партийной системы, заданная законом о партиях и поправками к нему, близится к своему логическому завершению; после избирательного цикла 2007–2008 гг. из 15 существовавших в России партий:

- «Партия возрождения России» прекратила свое существование: она ликвидирована за неучастие в выборах;
- Аграрная партия слилась с «Единой Россией». Согласно данным ВЦИОМ, 50% россиян поддержали этот шаг и лишь 19% высказались против. В электоратах же самих этих партий реакция оказалась неодинаковой: из единороссов 57% одобрили это слияние и лишь 17% — высказались против (при 26% неопределившихся); среди сторонников же АПР «за» высказались лишь 53% (т.е. практически столько же, сколько по выборке в целом), а 37% были «против»*, т.е. утрата собственной партийной идентичности оказалась травмирующей для немалой части электората АПР.
- партия «Социальной справедливости» слилась со «Справедливой Россией», тем же путем могут последовать партия «Зеленых» и, по сообщениям СМИ, партия «Патриоты России»;
- еще две партии либерального толка — Демократическая и «Гражданская сила» слились с СПС в новой партии «Правое дело».

Таким образом, к началу 2009 г. в России останутся четыре парламентские партии, новая либеральная партия «Правое дело», «Яблоко» и две малые партии — «Народный союз» и Партия мира и единства, не обладающие никаким потенциалом для реальной политической деятельности. Неопределенна судьба еще двух малых партий — «Патриотов России» и «Зеленых».

По данным ВЦИОМ, большинство (68%) россиян положительно относятся к укрупнению партийной системы и лишь 16% относятся к этому процессу негативно**.

Отметим, что реальное число партий в стране не определяется тем, сколько из них имеют формальный статус таковых. Так, в 1995 г. в парламентских выборах имели право участвовать 269 организаций (участвовало 43), в 2007 — 15. Однако эффективное число партий*** в России, по расчетам Н. Анохиной и Е. Мелешкиной, всегда колебалось между 3 (на выборах 1995 г.) и 6****, в парламенте было представлено от 4 до 8 партий, а реальные шансы на прохождение в федеральную законодательную власть имели не более 10 партий.

*«Аграрная партия и «Единая Россия»: счастливый союз? // ВЦИОМ. — Пресс-выпуск. — №1059. — 30.09.2008.

***Политическая система должна укрупниться // Российская газета.* — 2 декабря 2008 г.

*** *Применяемый в западной политологии показатель, рассчитываемый на основе доли голосов, поданных за каждую из представленных в парламенте политических партий.*

**** *Анохина Н., Мелешкина Е. Пропорциональные правила и опасности президенциализма: эффекты реформирования российского избирательного законодательства // «Полис». — 2007. — №5.*

Так что «укрупнение партий» подразумевает в первую очередь исчезновение «политического шума», который препятствовал структурированию партийного пространства и способствовал распылению голосов на выборах (особенно в 1995 г.) Три из ныне существующих парламентских партий действительно с годами вбирали в себя как структуры, так и избирателей многочисленных мелких партий — КПРФ — на левом фланге, «Единая» и «Справедливая Россия» — в центре и левом центре. Аналогичную эволюцию проделало на правом фланге и «Правое дело»: впервые появившись под этим названием в 1999 г., оно вобрало несколько праволиберальных движений, затем включило еще две либеральные организации, преобразовавшись в «Союз правых сил», а в 2008–2009 г. объединившись еще с двумя (в значительной степени номинальными) организациями. ЛДПР же оставалась практически неизменной «партией одного лидера» на протяжении всей своей истории.

Этот процесс сам по себе носит объективный и позитивный характер. Жесткие рамки законодательства о партиях и выборах (требования к численности партий и отделений, высокий семипроцентный отсекающий барьер) лишь придали ему более динамичный характер. Однако нельзя не указать и на оборотную сторону: столь жесткое законодательство могло быть оправдано для задания ускорения процессу укрупнения партий, теперь же, когда этот процесс близок к завершению, эта жесткость может стать помехой для образования новых партий или, возможно, перегруппировки партийных сил, а таковые могут быть востребованы динамично развивающейся политической ситуацией в стране. Поэтому следует заключить, что настало время для ослабления рамок законодательного регулирования деятельности политических партий в стране.

Заявленные политические реформы: следствия для партийной системы

Как указывалось выше, в 2008 г. начался новый раунд точечных реформ в законодательстве, определяющем роль и порядок деятельности политических партий в России. Ряд предложений такого рода был высказан Президентом России Д.А. Медведевым в ежегодном Послании Федеральному собранию (5 ноября 2008 г.), имели место и другие законодательные инициативы.

Часть из этих предложений направлена де-факто на усиление институциональной роли партии большинства. Одновременно в речи Президента РФ прозвучал ряд инициатив, направленных на расширение политической конкуренции.

Конституционная поправка, обязывающая правительство отчитываться перед Думой, в перспективе может придать парламенту контрольную функцию, которой тот фактически лишен, а любое институциональное усиление парламента повышает роль политических партий. Принятые Думой поправки в регламент палаты в связи с этой процедурой свидетельствуют, что на настоящем этапе эта процедура будет, скорее всего, «беззубой» и почти формальной, однако в перспективе и это может измениться.

Порядок наделения полномочиями глав исполнительной власти регионов. Введенная законом от 2006 года норма, предоставляющая партии, имеющей большинство в региональном законодательном собрании, право предлагать кандидатуру в губернаторы, использовалась только один раз (в Адыгее). Проблема с использованием этой нормы состояла, видимо, не в недоверии Президента к партии, а в непрозрачности, непубличности всей процедуры и слабости «кадрового резерва». С этой точки зрения новый закон институционализирует процедуру номинирования губернаторов через партию и делает ее более публичной. Три кандидатуры должны выдвигаться руководящим органом партии. Однако возникает и опасность: это выдвижение, равно как и последующие консультации между руководством партии и Президентом, согласно законопроекту, проходят на федеральном уровне. Региональная партийная организация (равно как и фракция в региональном ЗАК-

се) напрямую не задействованы — соответственно, встает вопрос о том, как мнение региональных партийцев будет учитываться во внутривнутрипартийной процедуре.

Эта норма повышает институционализацию, но в данном виде ведет к еще большему повышению рисков и конфликта в случае, если большинство в региональном парламенте принадлежит не пропрезидентской партии. Очевидно, что данное решение при всей его полезности носит паллиативный характер: возврат к прямым выборам губернаторов остается делом будущего.

Изменение порядка формирования Совета Федерации так же в первую очередь актуально не для «партийного сообщества» в целом, а для «Единой России», которая имеет большинство в подавляющем большинстве региональных парламентов, добавим, и в большинстве муниципальных органов власти, депутаты которых получают право быть номинированными в верхнюю палату Федерального собрания. Данная мера также представляется паллиативной, однако может иметь два положительных эффекта: чтобы попасть в верхнюю палату, кандидаты (в отличие от нынешнего корпуса сенаторов, в котором много статусных фигур из бизнеса или «столичных» элитных кланов, не связанных ни с партиями, ни — во многих случаях — регионом, который они формально представляют) как минимум должны будут пройти горнило выборов в регионах и заручиться поддержкой региональной элиты; они будут более привязаны к своему региону и — опосредованно через депутатский статус — к партии (хотя гипотетически не исключается номинирование и независимых депутатов).

Несколько предлагаемых норм призваны снизить барьеры для «входа на рынок» политической конкуренции. **Ликвидация залога** для регистрации на выборах принята при поддержке всех парламентских партий, однако интересы новых и непарламентских партий оказались не учтены. Снижаются требования к числу собираемых для регистрации на выборах подписей, а также к численности партий (сначала до 45, впоследствии — до 40 тысяч членов); принят закон, дающий один-два мандата партиям, которые получают на думских выборах соответственно больше 5 и 6% (но менее 7%) голосов. Важными представляются не эти — в целом скорее косметические — меры, но их символическое значение, указывающее на то, что государство более не поощряет сокращение политической конкуренции. Даже один-два мандата в Думе дадут партии парламентский статус, гарантирующий доступ к СМИ, автоматическую регистрацию на выборах всех уровней и т.п. Открывается некоторая (хотя вряд ли широкая) свобода маневра для «переформатирования» партий без риска потерять регистрацию по формальным основаниям количества членских билетов. Таким образом, главным в законодательных нововведениях такого рода становятся не новые рамки (лишь чуть более широкие, чем прежде), а стимул к изменению правоприменительной практики. Реальная эффективность этих мер практикой же и должна поверяться.

Такие вновь вводимые нормы, как **гарантии на доступ всех партий к СМИ, повышение роли Общественной палаты в экспертизе законопроектов**, будучи приняты, окажут позитивное (хотя вряд ли радикальное и быстро проявляющееся) воздействие на общий политический климат в стране, позволят оживить общественную дискуссию и межпартийную конкуренцию.

Кроме того, на муниципальных выборах будет внедряться смешанная избирательная система (инициатива ЛДПР, «Справедливой России» и «Единой России»), что также создаст стимулы для укрепления партий (в первую очередь — «Единой России», но также и остальных парламентских партий) на низовом уровне публичной власти.

В октябре 2008 г. одобрена поправка к закону о статусе депутатов, дающая им право работать с избирателями за пределами своих территорий — на самом деле это рудимент

Оценка предложений Д.А. Медведева обществом*		Таблица 5.
Наиболее одобряемые предложения Президента РФ (% опрошенных, поддержавших эту инициативу)		
Усилить контрольные функции Государственной думы, обязав правительство ежегодно отчитываться перед ней о своей работе		72
Будут законодательно обеспечены гарантии освещения в средствах массовой информации работы партий, представленных в Государственной думе РФ		68
Местные советы получают право отстранять от должности мэров (руководителей муниципалитетов)		62
Государственная дума будет в обязательном порядке привлекать к обсуждению законопроектов представителей неправительственных организаций, Общественной палаты		61
Партии, получившие на выборах в Государственную думу больше 5, но меньше 7% голосов избирателей, получают 1–2 депутатских мандата в Думе каждая		48
Руководители партий будут на регулярной основе меняться		48
Губернаторы регионов будут назначаться Президентом только из числа кандидатов, предложенных партией, победившей на выборах в парламент (законодательное собрание) региона		45
Будет снижено минимальное количество членов партии, требуемых для ее регистрации		42
Будет снижено число подписей, собираемых партиями для участия в выборах в Государственную думу		40
Наименее популярные предложения Президента РФ (% опрошенных, не поддержавших эту инициативу)		
Будет снижено число подписей, собираемых партиями для участия в выборах в Государственную думу		30
Губернаторы регионов будут назначаться Президентом только из числа кандидатов, предложенных партией, победившей на выборах в парламент (законодательное собрание) региона		29
Будет снижено минимальное количество членов партии, требуемых для ее регистрации		28
Руководители партий будут на регулярной основе меняться		23
Членами Федерального собрания могут быть только политики, которые уже являются депутатами региональных законодательных собраний или органов местного самоуправления		23
Партии, получившие на выборах в Государственную думу больше 5, но меньше 7% голосов избирателей, получают 1–2 депутатских мандата в Думе каждая		19
Местные советы получают право отстранять от должности мэров (руководителей муниципалитетов)		14
Государственная дума будет в обязательном порядке привлекать к обсуждению законопроектов представителей неправительственных организаций, Общественной палаты		11
Будут законодательно обеспечены гарантии освещения в средствах массовой информации работы партий, представленных в Государственной думе РФ		9
Усилить контрольные функции Государственной думы, обязав правительство ежегодно отчитываться перед ней о своей работе		7

*Реформирование политической системы: россияне о предложениях Дмитрия Медведева // ВЦИОМ. — Пресс-выпуск. — №1103. — 26.11.2008.

попыток ввести императивный мандат, когда в закон о статусе было введено обязательство депутатов работать с избирателями.

Общественное мнение в целом позитивно отнеслось к указанным инициативам, хотя разные нормы, стимулирующие развитие партийной системы, получили разную степень поддержки (см. таблицу 5).

Повторимся: сами по себе эти реформы не дадут быстрых и радикальных результатов для становления полноценной партийной системы. Они только вводятся в действие, некоторые из них (например, изменение порядка формирования Совета Федерации) заработают лишь через несколько лет; порядок введения и конкретная реализация норм указывает на то, что партия власти настроена на очень осторожные изменения. Добавим, что решающее значение имеет правоприменительная практика по этим нормам (например, связанным с регистрацией партий на выборах). Однако их значение в том, что они как минимум приостанавливают прошлый тренд на «замораживание соревновательности» и открывают перспективы для повышения активности политических партий.

Политические партии: краткие портреты

«Единая Россия»

Наличие одной крупной партии, доминирующей в политическом пространстве страны на переходных стадиях развития общества, — явление отнюдь не уникальное. За прошедшие годы «Единая Россия» не только завоевала большинство в законодательных органах всех уровней власти и местного самоуправления, но и превратилась в широкую коалицию различных элитных группировок. Неизбежные конфликты между группами экономических интересов, субрегиональными группировками, отдельными фигурами оказались встроенными в единую политическую вертикаль и находят разрешение внутри ее — не без издержек, но и без угрозы дестабилизации политической ситуации. За последние годы отстроились механизмы принятия законопроектов и проведения избирательных кампаний, которые гарантируют реализацию интересов исполнительной власти соответствующего уровня.

В то же время процесс не получил логического завершения в виде складывания полноценной доминантной политической партии. Монопольное лидерство «Единой России» в партийно-политической системе само по себе еще не обеспечивает ей роли подобной партии. Отличие современной «Единой России» от классических доминантных партий в том, что **классическая доминантная партия формирует власть, а партия власти (в России у некоторых других постсоветских государствах) формируется властью.**

Классическая доминантная партия — самоуправляемая коалиция элит с развитой «внутрипартийной демократией», где конкурирующие элитные кланы достигают согласованных решений по ключевым кадровым и программным вопросам жизни страны и несут ответственность за их реализацию. Роль лидера (премьера, президента, канцлера) и госаппарата в управлении такой партией всегда достаточно высока, но партия не является «массовым придатком» к исполнительной вертикали, а обладает высокой автономией в формировании политической повестки дня. В России же (как в Казахстане, закавказских республиках) доминантная партия и на федеральном, и на региональном уровнях находится в почти полной зависимости от исполнительной власти, а ее важнейшая функция — урегулирование конфликтов в межэлитных отношениях — выполняется с гораздо большей долей нажима со стороны губернатора или структур федеральной власти.

На федеральном уровне такие конфликты не носят публичного характера, однако на региональном порой выходят на поверхность. Примеры этого в 2008 г. — баллотировка

нескольких членов «Единой России на один выборный пост (например, на выборах мэров городов Нижнего Тагила, Алапаевска и Дегтярска в Свердловской области), а в 2009 г. — в таких областных центрах, как Мурманск и Смоленск (в обоих случаях кандидаты, выдвинутые «Единой Россией», проиграли выборы); конфликты по линии «губернатор — мэр столичного города» (причем оба состоят в «Единой России»). Подобные конфликты неизбежны: «Единая Россия» в целом удачно решила проблемы аккумуляции элитных интересов, выстраивания внутривнутрипартийной дисциплины, однако не обладает развитыми механизмами «внутрипартийной демократии». Проведенные в 2007 г. праймериз при выдвижении кандидатов в депутаты Думы стали шагом по развитию такой демократии, но, по признанию самих партийцев, носили формальный характер. Не имея механизма внутривнутрипартийной конкуренции, «Единая Россия» будет и дальше сталкиваться с подобными нарушениями внутривнутрипартийной дисциплины и, как партия власти, будет вынуждена налаживать отношения с любым победителем мэрских выборов и любым губернатором (о готовности сотрудничать с единороссосским большинством заявляли и назначенный губернатором Кировской области экс-лидер СПС Н. Белых, и переназначенный на пост губернатора Владимирской области, выходец из КПРФ Н.Виноградов).

Как отмечает автор, скрывшийся за псевдонимом Z.Z. («известный российский публицист с многолетним стажем членства в «Единой России»), «Единая Россия» создавалась для того, чтобы стать проводником государственной политики команды Владимира Путина... Партия не призвана стать «руководящей и направляющей силой» государства, а лишь проводником воли политической. А это разные задачи, требующие совершенно разных инструментов. Такая **структура, лишенная субъектности, никак не может стать мощной идеологической и политической машиной**. Там же: «Вместо того чтобы стать контролирующим органом для региональной исполнительной власти, партия в большинстве случаев полностью подчинена ее воле. Вместо того чтобы дисциплинировать местное чиновничество, выработать некое подобие нравственного кодекса, партия покрывает все их мелкие и крупные грешки... Кадровый лифт в ЕдРе отсутствует как таковой. Проработай ты на партию хоть десять лет — все равно останешься внизу, а место в списке займет пузатый барыга»*.

Данная цитата из заведомо лояльного партии автора наилучшим образом иллюстрирует ее главную проблему: партия построена сверху вниз, приспособлена для выполнения вышестоящих указаний, в лучшем случае — ассимиляции элитных фигур, но не для проявления инициативы, тем более — выработки курса государственной власти.

При всех своих недостатках как партийной структуры «Единая Россия» показала свою способность к мобилизации всех провластных ресурсов и своей победой придала политической системе ощутимый запас прочности. В этих условиях у политической элиты нет прямой заинтересованности в пересмотре партийных предпочтений.

Будучи по природе широкой коалицией, доминантная партия (или партия власти) не может иметь четкой идеологии. Классические доминантные партии решали эту проблему через «успешный мобилизационный миф» — творцов независимости (Индия, Мексика), возрождения нации после поражения во Второй мировой войне (Германия, Япония, Италия). «Единая Россия» — в чем сходятся большинство экспертов — идеологии обрести не смогла.

Сказанное не означает, что политическая платформа «Единой России» не имеет идейно-политического наполнения. Таковое определяется концептуальным содержанием деятельности правительства и принятыми при поддержке партии законами, по своей сути

* Z.Z. «Единая Россия» нуждается в чистке// *Русский журнал* — Тема недели. — Выпуск №3 (17). — 16 февраля 2009 г. — С.4–5.

правоцентристскими, но с серьезной социальной составляющей. Заявляя о своей поддержке Президента и правительства, «Единая Россия» тем не менее порой допускает критику отдельных действий и фигур, а антизападная и «антимонетаристская» риторика отдельных ее представителей откровенно противоречит сути правительственного курса. Впрочем, это противоречие в последнее время проявляется в гораздо более мягкой форме, чем в 2004–2006 гг. (после т.н. монетизации льгот).

Существующая предвыборная программа партии — достаточно цельный документ, соответствующей роли правящей партии, — с отчетом о достигнутом и конкретными целевыми показателями. Однако подчеркнем, что такой вид программа приняла только в октябре 2007 г. на VIII съезде партии; вместе с тем основной программный лозунг партии — «План Путина» появился за полгода до этого и в кампании 2007 г. чаще всего использовался без развернутых комментариев. «План Путина» же, скорее, был символом единства партии и ее популярного (хотя на тот момент неофициального) лидера и не имел своего конкретного содержания, пока таковым не была объявлена предвыборная платформа «Единой России». Характерна реакция общественного мнения на продвижение этого «программного символа»: в октябре 2007 г. 65% россиян соглашались, что «у Путина есть ясный план преобразований в стране», но лишь 6% — т.е. лишь десятая часть (!) — утверждали, что «знают и могут объяснить», в чем этот план заключается*.

В 2008 г. партия намеренно пошла на существенное развитие внутривнутрипартийной дискуссии. Организованная в рамках трех клубов — социально-консервативного, либерально-консервативного и патриотического, — эта дискуссия действительно «выстроила» актив партии по их реальным идейным предпочтениям. Особую актуальность такие дискуссии внутри клубов и между ними приобрели осенью 2008-го, когда клубы занялись антикризисными мерами, однако существенных плодов эта деятельность не принесла. Клубы не являются внутривнутрипартийными фракциями, их роль в выработке программных решений никак не институционализирована, навык в выработке компромиссов при принятии внутривнутрипартийных решений у партийцев не выработан, т.к. решения «спускаются сверху». В силу указанных причин партии пришлось отложить планы принятия новой программы на IX съезде, а выработка общей для трех клубов антикризисных программных мер затянулась, более того — сопровождалась взаимной публичной критикой. Тем не менее такое развитие внутривнутрипартийной дискуссии следует признать шагом в правильном направлении. Так, в мае 2008 г. именно на совместном заседании трех клубов была выработана позиция, позволившая партии найти выход из ситуации, когда ей пришлось отменить уже принятую в первом чтении «поправку Шлегеля» — заведомо избыточную норму регулирования СМИ; через обсуждения на клубах прошли поправки в устав «Единой России».

Институционализация внутривнутрипартийной дискуссии — лишь один из шагов по **внутренней реформе партии, которая началась в 2008 г.** Формально такая реформа не заявлена, но переход В.В. Путина на пост премьер-министра и практически совпавшее по времени избрание его председателем «Единой России» потребовали от партии шагов по устранению наиболее очевидных недостатков. Отсюда — легитимация дискуссии, отсюда же — объявленная «чистка», точнее — коррекция партийных рядов: из партии выбыло около 4% членов, заведомых «мертвых душ», в основном по формальным основаниям, не считая единичных случаев, когда член партии исключался по компрометирующим обстоятельствам, например, в случае возбуждения уголовного дела. Наряду с рядом других мероприятий (изменение устава, переопределение института сторонников партии), она способствовала

* <http://www.levada.ru/press/2007102206.html>

повышению организационной управляемости, еще один шаг, явно нужный и полезный, но сам по себе не решающий обозначенных выше проблем.

Более существенное воздействие на партийную жизнь в «Единой России» оказал социально-экономический кризис. Реакции на него в партии были неоднозначны — как, собственно, и должно было происходить в широкой элитной коалиции. Так, в конце октября комиссия президиума генсовета «Единой России» по промышленности обнародовала заведомо лоббистские (и непроходные) предложения по антикризисным мерам (внеконкурсное распределение госзаказов, отмена запрета на кредитование из бюджета хозяйствующих субъектов*. Вряд ли можно признать удачным и первоначальный вариант предложенной партией защиты держателей ипотечных кредитов, потерявших работу.

Однако в целом кризис побудил партию к весьма существенному «изменению повадки»:

- Созданный «Антикризисный штаб» партии включал пять адресных групп по работе с потенциальными жертвами кризиса: вкладчики и дольщики (А. Хинштейн), рабочие (А. Исаев), офисные сотрудники (В. Мединский), пенсионеры (В. Рязанский), средний класс.
- Депутаты от ЕР получили задание вести антикризисный мониторинг в своих регионах; хотя конкретный формат этого мониторинга (по описаниям его в прессе) не представляется оптимальным, сам факт стимулирования депутатов-списочников к более активной работе в регионе представляется полезным.
- Клубы занялись разработкой антикризисных мер. По сути дела, выработанные ими позиции впервые дали внятное представление об особенностях идейно-политического позиционирования трех идейных течений в «Единой России». Как указывалось выше, эта работа не отличалась высокой эффективностью, но в общем контексте активизации антикризисной деятельности партии она может сыграть весьма важную роль.

Таким образом, к концу 2008 г. в «Единой России» не произошло принципиальной эволюции от партии власти к доминантной партии — собственно, признанием этого стала процитированная выше статья «партийного публициста Z.Z.». Однако произошедшие в 2008 г. изменения свидетельствуют о том, что эти проблемы осознаются партией, ряд подвижек во внутрипартийной жизни, равно как и меняющаяся политическая среда делают такую эволюцию и возможной, и необходимой.

«Справедливая Россия»

Проект создания провластной партии левоцентристского толка имел под собой вполне рациональные основания. Во-первых, таким образом улавливались голоса умеренно-протестных и патерналистски настроенных избирателей, в целом лояльных государственной власти и ее курсу; во-вторых, ограничивался приток подобных голосов к коммунистической оппозиции; в-третьих, появлялась альтернативная площадка для консолидации периферийных элитных фигур и элит, которые по тем или иным причинам «не вписывались» в «Единую Россию».

Третье основание представляется критически важным для дальнейшей эволюции российской партийной системы. На роль «второй истеблишментной партии» по разным причинам не подходят остальные существующие игроки. В КПРФ и ЛДПР могут «приобретать мандаты» отдельные бизнесмены — но ради личных элитных карьер, а не системной политической работы; эти партии слишком «организационно жесткие» и идейно далекие от истеблишмента, к тому же с ограниченной политической перспективой (см. ниже). Либе-

* *Коммерсант-daily*. — 30 октября 2008 г.

ральные партии, во-первых, находятся в глубоком кризисе, во-вторых, объективно стоят на той же (условно-правоцентристской) площадке, что и «Единая Россия» (с существенно иными акцентами в области демократизации и иным позиционированием относительно исполнительной власти, но в целом совпадая по основным аспектам социально-экономической модернизации страны).

Однако проект «Справедливой России» оказался реализованным лишь частично по ряду причин.

Во-первых, описанная выше логика максимизации результатов «Единой России» подвигла бюрократическую вертикаль на ограничение конкуренции в первую очередь со стороны «Справедливой России» — партии, которая также претендовала на «прокремлевскую роль». Парадоксальным образом российская власть одновременно пошла на создание «второй лояльной партии» и своими же руками ограничила ее.

Во-вторых, особо острую реакцию со стороны власти вызвали отдельные фигуры, пришедшие в «Справедливую Россию». Это были не «экстремисты» в привычном понимании, но фигуры либо эпатажные, отличающиеся по «габитусу» от большинства элитных фигур, либо находящиеся в остром личном конфликте с губернаторами. Но и после того, как подобные фигуры были под давлением удалены из списка партии, в ней остался весьма солидный (особенно для новообразованной партии) набор опытных и публично заметных депутатов (В. Зубов, А. Аксаков, Г. Хованская, Г. Гудков, В. Гартунг, С. Горячева, О. Дмитриева и другие). Это означает, что партия в какой-то степени стала «альтернативной лестницей» для тех политиков, для которых партия власти представлялась слишком жесткой.

Обратим внимание еще на один факт: почти треть состава фракции составляют женщины, т.е. партия сумела избежать гендерного дисбаланса, столь характерного для российской политики. Правда, такое привлечение периферийных фигур носило неравномерный (в географическом плане) характер: 34 региональные группы на выборах 2007 г. возглавлялись москвичами — зачастую известными политиками, но не имеющими никакой связи со своим регионом.

В-третьих, партия не избежала искуса крайнего популизма, сформулировав свою программу в откровенно распределительном духе. Охотясь за популярностью у избирателя, она потеряла в «респектабельности», столь необходимой для утверждения в роли «вспомогательной партии власти».

«Справедливая Россия» смогла войти в федеральный парламент и многие региональные законодательные собрания (45 ЗАКСов еще до выборов октября 2008 г., а все они были успешными для «Справедливой России»).

На своем III съезде в апреле 2008 г. партия приняла новую программу. В ней сохранились и сильные, и слабые стороны прежних программных документов. Сохранились такие достоинства, как подробность и конкретность, особый упор сделан на проблемы пенсионеров, которые изложены в программе предельно подробно. Если в 2006–2007 гг. С. Миронов в определениях социализма фактически колебался между версией, похожей на горбачевскую и социал-демократией европейского типа, то в новой программе очевиден выбор в пользу последнего. В то же время уровень «популистского завышения» в новой программе также остался практически неизменным. Однако, пожалуй, главным в идейно-политическом позиционировании «Справедливой России» всегда оставалась идея социальной справедливости, на которую, как показывают социологические исследования, существует мощный общественный запрос.

В октябре 2008 г. С. Миронов оптимистично заявил (на заседании Центрального совета партии), что «проблема преодоления барьера [на региональных выборах для партии]

не стоит», и в качестве главного достижения отметил, что партия «заставила полеветь и правительство, и фракцию большинства в Госдуме. Идеи СР, которые считались популистскими, теперь воплощают в жизнь единороссы». В определенной степени такое утверждение следует признать справедливым: как указывалось выше, партия власти оказалась вынужденной считаться с почти консенсусными программными требованиями оппозиционных партий, и, несомненно, что тему социальной справедливости на первый план вынесла именно «Справедливая Россия».

В то же время это не может в полной мере компенсировать «Справедливой России» утраты ее роли «второй путинской партии», на которой она начинала свой подъем. Выступление В.В. Путина во главе списка «Единой России» осенью 2007 г. ослабило кампанию «Справедливой России»; его приход на пост председателя «Единой России» и занятие им поста главы правительства лишило «Справедливую Россию» еще одного козыря: возможности критиковать кабинет, не затрагивая личность Президента, — ныне она вынуждена солидаризироваться и с Президентом РФ, и с главой Правительства РФ. Хотя электорат «Справедливой России», как показано выше, настроен на роль «конструктивной», а не «жесткой» оппозиции, мотивация голосования за такую партию с «полуоппозиционной» программой не может не ослабевать. В этих условиях, пожалуй, главной идейно-политической нишей для «Справедливой России» остается умеренный протест — т.е. ориентация на избирателя, который в целом лоялен власти, но хочет «наказать» ее, например, за недостаточное внимание по отношению к социальным вопросам или слишком навязчивую избирательную кампанию.

Будучи ориентированной на социальную проблематику и имея в составе фракции опытных депутатов, в т.ч. экономистов, партия раньше других обратила внимание на кризисную проблематику. По словам депутата И. Грачева, «антикризисную программу начали рисовать еще в августе-сентябре», включив в нее такие положения, как «минимальная поддержка фондового рынка и системообразующих банков, налоговые льготы реальному сектору, полные налоговые каникулы малым предприятиям на 2008 г., снижение НДС до 10%, социальная поддержка бедных, включая восстановление натуральных льгот»*.

20 февраля 2009 г. партия презентовала «Хартию социальной справедливости». Хотя перспективы этого документа, предложенного к подписанию представителям правительства, партий, профсоюзов и предпринимателей, весьма туманны, данный документ представляется удачным публичным шагом: идея нового общественного договора, шире — справедливого распределения издержек кризиса между государством, бизнесом и обществом, весьма перспективна.

Положение «Справедливой России» в российской партийной системе остается парадоксальным: левоцентристская патерналистская партия объективно имеет в ней легитимную нишу, однако она смогла состояться в таком качестве, лишь будучи «кремлевским проектом», причем властные структуры на разных уровнях оказываются недовольны критикой и конкуренцией, которую эта партия составляет их «главной» партии, а сама «Справедливая Россия» продолжает искать оптимальную золотую середину между критикой и лояльностью власти. Это парадоксальное положение не закрывает «Справедливой России» возможности оставаться «проходной» партией и на федеральном, и на региональном уровнях, однако служит серьезным ограничителем как для роста ее электоральной поддержки, так и для притока в нее перспективных политических фигур.

* *Левое крыло.* — №5–6 (8–9). — Дек. 2008 г. — С.14.

КПРФ

КПРФ сохраняет свою уникальную роль как самая массовая (если не считать «Единой России», членство в которой формируется на иных основаниях) и «настоящая» партия. Она обладает устойчивой электоральной базой — избирателями, которые и по идейным, и по политическим основаниям сохраняют «советское мышление»: КПРФ адекватно отражает их устремления в политической сфере. Однако эта же база жестко ограничивает способность КПРФ к эволюции: страх перед потерей коммуникации с традиционным избирателем обусловил отказ партийного руководства от обновления своей программы, языка и символики. С годами партия постепенно утрачивает роль «безусловно второй» по силе политической партии страны и «народного трибуна», защищающего всех обездоленных. Эта роль частично восстанавливается лишь на президентских выборах, где за кандидата от КПРФ по-прежнему голосуют не только «твердые» коммунисты, но многие другие протестно настроенные избиратели.

Эволюция КПРФ в сторону социал-демократии практически невозможна (что не исключает того, что отдельные ее лидеры де-факто стоят на социал-демократических позициях). Приход в КПРФ фигур из современного бизнеса не исключен — как «твердая» партия с гарантированным электоратом она будет сохранять привлекательность для «политических инвесторов», но такие случаи все же будут единичными. Соответственно, в перспективе ближайших 10 лет партия либо утратит свои позиции (по причине естественной убыли своего пожилого электората, которая лишь в малой степени компенсируется притоком молодежи), либо претерпит эволюцию. Такая эволюция возможна в сторону «социального омбудсменства» (о чем говорят сами лидеры КПРФ), но на этом направлении КПРФ ждет конкуренция со стороны «Справедливой России». Не исключено, что «омоложение» партии (которое тоже обозначается как стратегическая задача) приведет к росту «левачества» (условно-троцкистского толка) или националистических настроений. Однако пока эти сценарии можно обозначать только гипотетически — соответственно, трудно предсказать, как они скажутся на масштабах электоральной поддержки партии и ее позиционировании в политическом пространстве.

На выборы 2007 г. партия шла с программой «Семь шагов в достойное будущее»; поэтапность плана дала Компартии возможность совместить мягкие (почти социал-демократические) шаги с программой-максимум: седьмой шаг носит название «Вся власть Советам!» и подразумевает принятие новой (читай — советской) Конституции и огосударствление экономики. С поправкой на разные акценты и особенности публичной подачи так же составлена и принятая на XIII съезде КПРФ (декабрь 2008 г.) новая редакция программы партии: в ней можно вычитать и «власть Советов», и демократический строй, и социализм с общенародной собственностью, и «развитие малого и среднего предпринимательства, и «добровольное восстановление союзного государства». На тех же «китах» — национализация банковской сферы, сырьевой и других базовых отраслей экономики, восстановление планирования по типу Госплана, запрет на рост тарифов естественных монополий — покоится и антикризисная программа КПРФ*

После выборов 2007–2008 гг. перед партией в очередной раз встала дилемма «преемственности или обновления». И программа, и кадровые решения XIII съезда КПРФ свидетельствуют, что в очередной раз партия не решилась на обновление своего месседжа — он по-прежнему четко настроен на пожилой ностальгирующий электорат. В кадровом плане наблюдатели расценили итоги съезда как поражение группировки зампреда КПРФ

* Г. Зюганов. Правда и ложь в зеркале кризиса. — 6 февраля 2009. — http://kprf.ru/rus_soc/63522.html

И.Мельникова («за построение нового социализма») и усиление группировки Кашина (за реставрацию социализма совобразца). Тем самым, судя по всему, Компартия запирает себя в старой нише.

В условиях экономического кризиса КПРФ — единственная из оппозиционных партий — предприняла попытку возглавить спонтанный протест, особенно в регионах Дальнего Востока, однако, судя по всему, протестующие автомобилисты не готовы пойти на солидарные действия с ней. Другие же протестные акции партии приобрели массовый характер. Разумеется, в «самоотчете» Компартии о протестных действиях можно усмотреть моменты лукавства: трудно проверить корректность общей цифры принявших участие в акциях 31 января («порядка 200 тыс. человек»); «протестными» объявлены акции 21–23 февраля, хотя очевидно, что люди в первую очередь были привлечены возможностью отметить популярный праздник (разве что в Екатеринбурге акция действительно имела протестную направленность). Но все это не отменяет очевидного факта: КПРФ — единственная партия, которая сохраняет актив, способный по убеждению, а не команде «административного ресурса» выйти на улицу практически во всех городских населенных пунктах страны, даже там, где партия власти отменяет свои массовые акции из-за мороза (так было 31 января в Новосибирске и ряде других городов). Вместе с тем, очевидно, что речь идет все о том же традиционном активе партии, а не гражданах, подвергшихся проявлениям кризиса в последние месяцы.

Выигрывая тактически, лидеры КПРФ неизбежно обрекают себя на стратегическое поражение: в действиях КПРФ не просматривается перспективы обретения новой базы поддержки взамен убывающего в силу возрастных причин их традиционного электората.

ЛДПР

ЛДПР не только сохраняется, но и обретает с годами более четкое идеологическое лицо. Ее избирателя отличают индивидуализм, склонность к авторитарным решениям, но в то же время — поддержка частной инициативы; по относительной доле молодых избирателей (особенно в возрасте до 25 лет) ЛДПР является безусловным лидером. Короче, партия приобретает отчетливый правопопулистский образ.

Этому образу соответствует и программа партии: она акцентирует сильную президентскую власть, выступает за унитарный характер Российского государства, жесткое авторитарное госуправление, «державную» внешнюю политику. Экономическая программа разработана слабо, но в ней можно найти и восстановление Госплана и Госснаба (sic!), и призыв к снижению налогов. Впрочем, реальной программой ЛДПР следует считать набор текущих выступлений В.В. Жириновского.

Уникальность партии и ее вождя в том, что на протяжении без малого двух десятилетий она привлекает избирателя оппозиционной риторикой (правда, преимущественно по внешнеполитической тематике), сохраняя лояльность партии власти практически по всем ключевым вопросам. Известна тактика, при которой фракция ЛДПР голосует солидарно с позицией «Единой России», тогда как сам В. Жириновский воздерживается или голосует иначе, чтобы иметь возможность «честно» ответить избирателям, что он в данном вопросе не поддержал позицию Кремля. Впрочем, и в кампании 2007 г. у В. Жириновского явственно угадывался испуг не пройти в следующий состав Думы, и его «оппозиционность» вовсе сошла на нет.

Правоцентристская партия с «националистическим оттенком» имела бы вполне легитимную нишу в политической системе, однако перспективы ЛДПР не выглядят оптимистическими, потому что «удерживает вместе» этих избирателей лишь личность лидера — следовательно, судьба партии всецело зависит от продолжительности активной политической карьеры В. Жириновского.

С личностью лидера связана и кадровая политика партии — точнее, отсутствие таковой. Все «вторые люди» в ЛДПР за ее двадцатилетнюю историю рано или поздно утрачивали доверие вождей и покидали партию — по крайней мере, пока на эту роль не выдвинулся сын В. Жириновского.

Либеральные партии

Либеральные партии в последние годы находятся в затяжном кризисе, обусловленном целым комплексом причин: это и «моральный износ» лидеров, и объективно перехваченная властью «повестка дня» (по крайней мере — в части социально-экономического курса), и снижение популярности «западнического вектора», с которым они ассоциируются, и давление на них со стороны «административного ресурса». Реализация модернизационной повестки дня создаст объективные предпосылки для роста популярности либеральных идей (свобода, права человека, частное предпринимательство и т.п.), однако на сегодняшний день ни одна из политических сил либеральной ориентации не способна воспользоваться открывающимися возможностями. «Яблоко» предпочитает «стратегию малых дел», сосредотачиваясь на выборах местных органов власти. Не стали полноценными партиями два новых проекта с либеральной программой. Демократическая партия выглядела откровенно спойлерским проектом в парламентской кампании и статистом в президентской. Несколько лучше выступила «Гражданская сила», но, выступив после парламентских выборов в качестве одной из четырех партий, выдвинувших кандидатуру Д.А. Медведева на президентский пост, практически не проявляла активности.

«Яблоко»

При всех объективных причинах и субъективных ошибках и пороках партии «Яблоко» среди причин его заката нельзя не упомянуть жесткий прессинг властей на его активистов. Ни память о былом финансировании «Яблока» руководителями ЮКОСа, ни участие отдельных активистов «Яблока» в уличных акциях непримиримой оппозиции не объясняют, тем более не оправдывают, ни снятия списков «Яблока» с выборов в двух регионах, где они имели реальные шансы на электоральный успех (Карелия и Санкт-Петербург), ни скандальных уголовных дел против активистов «Яблока» М. Резника (Санкт-Петербург) и И. Большакова (Москва).

Очевидно, что причины давления на «Яблоко» различны. Регионы, где оно сохраняло шансы на успех, единичны, но и там партию снимали как конкурента (впрочем, сняли «Яблоко» и с выборов в Тверскую городскую думу в марте 2009 г., а в Петербурге на муниципальных выборах не было зарегистрировано 53% кандидатов, выдвинутых «Яблоком»), в остальных же случаях власть проявляет «превентивную нетерпимость» по отношению к партии, которая остается на принципиально критичных позициях по отношению к ней (в таком антиавторитарном стиле выдержана политическая платформа РОДП «Яблоко», принятая на XV съезде партии в июне 2008 г.)

Такое давление приносит свои плоды. Вряд ли им можно объяснить уход Г. Явлинского с поста председателя партии, но вызвавшее в «Яблоке» неоднозначную реакцию исключение лидера молодежной организации И. Яшина — явное свидетельство этого процесса.

«Правое дело»

Создание новой правой партии «Правое дело» имеет ряд положительных моментов. Де-факто исчерпывается конфликт с Кремлем, на который пошел СПС, столкнувшись с жестким административным давлением накануне и в ходе кампании 2007 г. Соответственно, правая либеральная партия возвращается в привычную для себя нишу «конструктивной оппозиции», что поддерживается, как показано выше, и большинством ее сторонников. Ликвидируются два заведомо нежизнеспособных спойлерских проекта.

Однако и проблем у новой партии немало: во-первых, в этом сегменте политического спектра не осталось ярких публичных лидеров, а в условиях России даже четкая идеологическая программа может не найти подхода к «своему» избирателю, если не будет озвучена привлекательным для него лидером. Во-вторых, либеральный избиратель достаточно ревниво относится к вопросу о самостоятельности «своей» партии: даже если ее позиция объективно носит провластный характер, он должен верить, что к такому решению партия пришла самостоятельно, а не «по указке сверху» — новой партии придется доказывать избирателю свою независимость от «патронов». В-третьих, фрагментация либерального лагеря с формированием новой партии сокращается, но не исчезает совсем, пока на этой площадке работает и «Яблоко», а общее число сторонников либеральной идеологии в России ограничено.

Партия только создается, и какие-либо выводы делать преждевременно. К началу 2009 г. были созданы отделения в 73 регионах, объединяющие 56 тыс. членов. В 20–30 регионах процесс создания партии столкнулся с оппозицией активистов бывшего СПС, оспаривающих легитимность проведения региональных конференций, однако к моменту регистрации партии (20 февраля) конфликт в целом можно было считать исчерпанным (не в последнюю очередь благодаря тому, что экс-лидер СПС Н. Белых получил пост губернатора Кировской области, а один из лидеров протеста против новой партии М. Гайдар стала его советником).

Программное заявление новой партии имеет явные признаки преемственности по сравнению с СПС и выдержано в достаточно умеренных тонах.

Еще один параметр, который пока не позволяет оценить перспективу новой партии — кадровые условия объединения трех партий. Условия, поставленные СПС в ходе объединительного процесса, включали: исключение Барщевского и Богданова, «мягкий устав», право членов на свободу действий и высказываний, консенсус трех сопредседателей. Формально эти условия были выполнены. Однако ряд косвенных признаков свидетельствует о неблагополучии. В Москве не стал руководителем организации предприниматель Е. Чичваркин, причем даже до того, как он стал героем криминального скандала, в городе разгорался конфликт между кандидатом в председатели и установившими контроль над аппаратом партии близкими соратниками А. Богданова (организация так до сих пор и не создана); со скандалом проходило формирование организации «Правого дела» в Петербурге (см. «Коммерсант» от 19 декабря 2008 г.); в ряде регионов, преимущественно тех, которые достались «Гражданской силе», партийные организации возглавили члены «Единой России», в Калининграде, по сообщениям СМИ, губернатор лично наложил запрет на то, чтобы региональную организацию возглавил известный в области либеральный политик С. Гинзбург. Очевидно, что такой «нулевой цикл», столь откровенное вмешательство партии власти в формирование правой оппозиции вряд ли будут способствовать превращению ее в дееспособную политическую организацию. Резюмировать можно фразой, которую был вынужден произнести сопредседатель «Правого дела» Л. Гозман (отвечая на вопрос, почему ДПР продолжило существовать как общественная организация, а СПС этого не позволили): «Отношение к Богданову и ко мне может быть разным у тех лиц, которые принимают решения»*.

4. Заключение: перспективы эволюции партийной системы

2008 год можно считать как логическим завершением прежнего этапа развития партийной системы, так и «нулевым циклом» нового. С одной стороны, завершался процесс укрупнения партий, инерционного развития «партии власти», сдерживания межпартийной конкуренции. С другой стороны, этот год принес в развитие российской партийной системы много новых

* СПС почувствовал себя ликвидированным. // Коммерсантъ. — 22 дек. 2008 г.

моментов. Ни одно из новых явлений не привело к радикальному изменению в партийной системе как институте или серьезным сдвигам в балансе сил между политическими партиями.

С учетом как отсутствия массового запроса на многопартийность, так и жесткости политической системы единственным путем поступательного развития партийной системы является сочетание двух факторов:

- Превращение «Единой России» из партии власти (контролируемого исполнительной властью образования, представляющего его интересы в законодательной власти и публичном пространстве) в доминантную партию — широкую коалицию «мейнстримовской элиты», обладающую реальной автономией, формирующую политическую позицию власти и влияющую на кадровые назначения.
- Расширение пространства для политической конкуренции — создание условий для нормальной деятельности остальных политических партий (участие в выборах, доступ к СМИ, относительное равенство в избирательных кампаниях и т.п.).

Без реализации первого фактора российский политический режим продолжит эволюцию в сторону «персоналистского», в котором политические партии (не исключая и партии власти) будут играть второстепенную, почти «фасадную» роль. Без реализации второго фактора в стране будет лишь минимальная политическая конкуренция, и она станет похожей на режимы т.н. народной демократии в Центральной и Восточной Европе 50–80 годов XX века, в которых формально существовала многопартийность, но реальная власть принадлежала одной партии, тесно связанной с государственной властью.

Очевидно, что реализация двух этих условий зависит от позиции федеральной власти. Описанные в докладе инициативы по реформированию политической системы могут положить начало новому этапу в развитии политического плюрализма. Сами по себе они не несут коренных решений проблем российской политической системы. К тому же более важными представляются не сами эти изменения, а их практическое воплощение.

Однако общая направленность этих инициатив контрастирует с тенденцией прошедших восьми лет: законодательные рамки для политической активности партий расширяются, а не сужаются; бюрократия на всех уровнях получает сигнал к смягчению «административного ресурса». Правящая партия обретает пусть и ограниченные институциональные рычаги воздействия на исполнительную власть.

Многое зависит и от того, как в условиях экономического кризиса будет переопределен «общественный договор» между обществом и властью, какую роль обретут партии (как «Единая Россия», так и ее оппоненты) в представительстве интересов граждан в условиях кризиса.

От того, как эти новые стимулы заработают на практике, как ими воспользуется и правящая партия, и оппозиция, наконец, от реакции власти на первые сдвиги в партийном поле, порожденные этими явлениями, и зависит будущее российского политического режима. В оптимальном сценарии Россия через несколько лет может прийти к системе с доминантной партией и относительно слабой, но жизнеспособной оппозицией разного толка, в пессимистическом — российская партийная система останется в таком же состоянии, в котором пребывает сегодня: вторичного звена в системе политических институтов, лишь отчасти выполняющего функции, свойственные политическим партиям в демократических государствах, а главное, неспособного стать несущей конструкцией в общенациональных программах — от преодоления социально-экономического кризиса до модернизации страны.

Первоочередные задачи российского государства в сфере партийного строительства на 2009 г. в этом свете представляются следующим образом:

- Завершение заявленных и уже в значительной степени реализованных «точечных реформ», описанных выше, и начало их практического применения (там, где это

подразумевается содержанием норм). В первую очередь это касается складывания практики взаимодействия с партиями (в реальности — с «Единой Россией») при выдвижении кандидатур для наделения полномочиями глав субъектов федерации и практики выделения эфирного времени для партий на государственном телевидении.

- Коррекция правоприменительной практики в вопросах, связанных с деятельностью политических партий. В первую очередь речь идет об отходе от «запретительных» трактовок закона — например, недопущении дисквалификации (отказов в регистрации или снятия с выборов) партий и кандидатов под надуманными, техническими предлогами, непроведенном анализе собранных партиями и кандидатами подписей для регистрации на выборах (что особенно важно с отменой избирательного залога), сведении к разумному минимуму контроля государственных органов над партийными организациями.
- Стимулирование внутривнутрипартийной дискуссии и работы антикризисных групп в «Единой России» как важнейшей меры в организационном и политическом развитии этой партии; подключение других системных партий к участию в обсуждении антикризисных мер.
- Развитие и поощрение практики диалога исполнительной власти (в центре и регионах) со всеми партиями, представленными в законодательной власти соответствующего уровня, особенно в вопросах, затрагивающих антикризисные программы, поиск решений в трудовых и иных конфликтах с гражданами, пострадавшими от последствий кризиса.
- Дальнейшее совершенствование правовых норм, регулирующих деятельность партий и избирательную систему. В частности, одной из насущных мер представляется создание негативных стимулов для применения тактики «паровозов», которая, как указывалась в тексте, препятствует укреплению авторитета партий и института законодательной власти. Законодательным решением этой задачи могла бы стать норма, предусматривающая, что, если кандидат отказывается от мандата без уважительных причин (только медицинских показаний: болезнь, инвалидность), этот мандат поступает в перераспределение между другими партийными списками. На федеральном уровне допустима оговорка, что это правило не действует в отношении кандидатов, замещающих должности членов Правительства России, на региональном уровне оно действует безоговорочно. В таком случае либо ценой участия в выборах губернатора или мэра станет утрата одного мандата, либо такие фигуры должны будут занимать заведомо непроходные позиции в списках, что снизит негативный эффект «феномена паровозов».

Приложения

Социально-демографические профили электоратов (2007–2008)																		
	«Единая Россия»			Справ. «Россия»			КПРФ			ЛДПР			«Яблоко»			СПС/ «Пр. дело»		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
ОБЩИЙ	54,9	55	53	7,3	6	3	10,9	8	10	7,7	7	7	2,0	1	1	1,4	1	0
Пол																		
Муж.	50,6	46	46	7,0	5	2	12,6	9	12	11,1	10	11	1,7	1	1	1,8	1	0
Жен.	58,2	62	59	7,6	7	4	9,6	7	9	5,3	4	4	2,3	1	1	1,1	1	0
Возраст																		
18–24 года	61,5			2,1			2,5			13,0			1,8			1,5		
25–39 лет	66,9			5,3			3,1			9,4			2,0			0,9		
40–54 года	52,2			9,1			7,9			9,1			1,8			1,3		
55 и старше	47,1			8,9			22,5			3,3			2,3			2,0		
18–35 лет		57	60		3	1		2	2		11	11		1	1		0	0
36–54 года		52	51		6	3		9	10		6	7		1	2		1	0
55 и старше		55	46		8	6		14	20		2	3		1	1		1	0
Образование																		
Высшее	54,9			4,2			8,2			8,6			4,1			2,1		
Сред. (+ спец.)	55,7			9,0			8,3			8,9			1,7			1,8		
Ниже сред.	53,8			7,0			16,6			5,5			1,2			0,5		
Выс.		49	51		9	4		9	9		6	7		2	3		1	1
Сред. спец.		55	55		6	2		7	10		6	7		0	1		1	0
Сред. сбщ.		55	53		4	3		7	9		9	9		0	1		0	0
Ниже сред.		61	50		5	4		10	17		4	5		1	0		1	0
Доход																		
Низкий	57,3			8,4			13,0			4,5			—			0,7		
Сред-низ.	54,3			9,9			15,8			3,4			1,8			0,5		
Сред-выс.	54,6			6,3			10,1			9,2			2,0			1,7		
Выс.	57,5			5,4			5,9			11,4			2,5			2,7		
Низкий		59	55		4	3		7	12		6	8		0	0		0	0
Средний		56	53		7	4		10	12		6	6		0	1		0	0
Высокий		56	55		7	4		8	8		8	7		1	1		1	0
Место жит.																		
Москва	44,6			6,0			12,6			12,4			15,7			1,7		
Более 500 000	50,9			6,2			11,1			9,9			2,5			0,9		
100–500 тыс.	54,3			6,6			11,5			6,7			1,2			1,9		
До 100 тыс.	51,7			11,4			10,2			8,1			0,3			2,5		
Село	64,0			4,8			10,9			5,4			1,3			0,4		
Москва		44	53		10	2		8	6		6	6		4	3		3	0
Мегаполис		52	43		6	6		7	9		7	7		1	1		1	1
Большой город		53	57		7	3		8	7		8	7		1	1		1	0
Малый город		53	50		5	3		8	11		7	8		0	1		0	0
Село		63	60		4	2		8	13		6	7		0	0		0	0

Доходные категории			
	Левада-Центр	ФОМ-2007	ФОМ-2008
Семейный доход	Низкий (до 5000 руб.)	2500 руб. и менее	4000 руб. и менее
	Средне-низкий (5000–9000 руб.)	2501–4500 руб.	4001–7000 руб.
	Средне-высокий (9000–15000 руб.)	Более 4500 руб.	Более 7000 руб.
	Высокий (свыше 15000 руб.)		

1. Опрос Левада-Центра [За кого Вы проголосовали на выборах 2 декабря — или Вы унесли, испортили бюллетень?] 7–11 декабря 2007г., 1041 респондент.
2. Опрос фонда «Общественное мнение» [Представьте себе, что в следующее воскресенье вновь состоятся выборы в Государственную думу, скажите, пожалуйста, как, за какую партию Вы бы проголосовали?], 8–9 декабря 2007 г., 3000 респондентов.
3. Опрос фонда «Общественное мнение» [Представьте себе, что в следующее воскресенье состоятся выборы в Государственную думу, скажите, пожалуйста, как, за какую партию Вы бы проголосовали?], 20–21 декабря 2008 г., 3000 респондентов.